

18+

Анна Закревская

A woman with long dark hair is kissing a man on the cheek. The man has long dark hair and is wearing a dark shirt. The woman is wearing a headband with a leafy branch. The scene is lit from the side, creating a dramatic effect against a dark background.

Сезоны Персефоны

По следам Колеса

Анна Закревская

**Сезоны Персефоны:
по следам Колеса**

«Издательские решения»

Закревская А.

Сезоны Персефоны: по следам Колеса / А. Закревская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609698-1

Есть истории, что не желают заканчиваться, и тропа ведёт героев, читателей, автора — вперёд, вперёд! Таковы оказались приключения оборотня по имени Артемис, что принял сан Осеннего князя, и чудесной травницы Персефоны, что была наречена его сестрой, а стала, наконец, возлюбленной. Магия и наука, Дикая охота и цифровые божества, чародейство и киберпанк.

ISBN 978-5-00-609698-1

© Закревская А.
© Издательские решения

Содержание

Intro: час до первого снега	6
Тень, что не хочет зла	8
Незаметная замена	11
Марш забытых богов	15
Молоко и мёд	19
Концерт для полтергейста с оркестром	23
Оттаявшая тайна	28
Игры на нервах	31
Время Бельтайна. День первый: огонь	35
Время Бельтайна. День второй: вода	39
Время Бельтайна. День третий: земля	41
Время Бельтайна. День четвёртый: воздух	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сезоны Персефоны: по следам Колеса

Анна Закревская

© Анна Закревская, 2023

ISBN 978-5-0060-9698-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анна Закревская

**Сезоны Персефоны
По следам Колеса**

Всё возвращается. Самайн даёт дорогу ноябрю. Трубят рога, и Дикая охота несётся в небе. Облака текут рекой к луне багровой, словно к алтарю, – молиться тем неведомым богам, что мрачны и свирепы.

Всё возвращается: ночной охоты бурный бег, в безумной скачке небо топчут призрачные кони. Уставших не смыкает прежде праздный город век. Случайный путник ждёт вослед стремительной погони.

Всё возвращается. Не кормят гончих, чтобы мчали злей. Пронзительней и тоньше стали мира звуки. На перекрёстках тьма, а в чёрном перекрестии ветвей мерещатся в окно стучащиеся руки.

Промчится духов сонм. Самайн пройдёт свою чередой. Другие силы вступят на престол, покроет снег поля, и свет, как водится из года в год, придёт за темнотой. Всё возвращается. Вращается легендами Земля.

Мелалика Невинная

Intro: час до первого снега

Есть истории, что не желают заканчиваться, и тропа ведёт героев, читателей, автора – вперёд, вперёд!

Таковы оказались приключения оборотня по имени Артемис, что принял сан Осеннего князя, и чудесной травницы Персефоны, что была наречена его сестрой, а стала, наконец, возлюбленной.

Много усилий приложил новый владыка Самайна, дабы по осени возжечь в людях творческий огонь и отчаянный свет, и усилия его оказались не напрасны, однако ж хмарная тьма, из которой минувшим летом возник злобный дух Щайек и которой питался он со свитой, рассеиваться не спешила.

– Нет у тебя права напрямую лезть в людские дела, – напоминал Артемису Эрик, бывший Князь и его наставник.

Слова Эрика звучали не столь запретом, сколь правом отступить, и Артемис бессильно рычал тому в плечо, усваивая горькую мудрость.

– Зато есть право сотворить волшебную зиму и чудесную весну, – добавил Эрик.

К этой задаче Артемис оказался вполне готов. Особенно после пары бокалов горячительного. И после ноябрьской ночи, в которую он, сняв княжеский венец, без остатка посвятил себя Персефоне.

– Не нужно слов, – прохладный её палец лёг на губы Артемиса, готовые изломиться в предрассветной исповеди. – Помнишь шатёр на краю Загранья и Приграничья?.. Я видела твою будущую обязанность словно фильм, во время испытания на титул Княгини. И если смогла принять без ревности там, в туманном краю, приму и здесь, в воплощённом мире.

Но, даже почти благословлённый на соитие с Зимней царевной, не смог Артемис сделать, что должно, лицезрея её человеческий облик. Заставил превратиться в лань и тогда уже догнал по первому снегу, совершив среди тёмных баварских лесов очередной поворот колеса года.

Эрику стоило огромных усилий сдерживать свои шуточки про то, кто из них двоих больше достоин звания извращенца. Вместо этого он выдал:

– Пока ещё не вышло твоё время, Артемис, айда с Персефой к нам в Прагу!

«К нам» означало, что отставной князь в одиночестве не был. Так и оказалось: остаток своей вновь-человеческой жизни рыжий Эрик разделил с ведьмой по имени Агнешка.

С каждой новой неделей адвента на узких мощёных улочках прибавлялось тёплого света и пушистого снега, будто незримые ангелы в небесах принялись разом прихорашиваться к празднику, вычёсывая свои перья об острые шпильки древней готики. В туманном сумраке под тисами холма Петршин едва уловимо веяло близким Йолем, но искристый дух глинтвейна долетал и до тайных тропинок. На одной из таких, не видимый более никому, кроме Эрика, уходил в новый сон Артемис.

– Доброй вышла твоя Охота, – с торжественным одобрением изрёк бывший Князь над своим преемником, – аж самому завидно.

Тот усмехнулся устало:

– Жалеешь, что на покой ушёл? Али в человечью властную чехарду поиграть предлагаешь?

Эрик от души хохотнул. Потом убрал с лица и тень улыбки, достав взамен кинжал из неприметных ножен.

– Отдыхай до новой осени, Артемис. Горжусь тобой...

Тонкий серебряный клинок вошёл в сердце, принесся прохлада и покой.

– ...и люблю.

Не тает снег на тёмных волосах, на бледном лице, но тает в нездешнем тумане и лицо, и тело, ещё час назад, во время совместного огненного шоу на Староместской площади, бывшее гибким и сильным.

«Нет Князю смерти от любящей руки...»

Убрав кинжал, без промедления достал Эрик малую флягу, поднёс к ране меж рёбер Артемиса. Багровая, почти чёрная кровь стремительно густела, сливаясь с темнотой земли и ночи. Миг, другой – и будто не было ничего среди палой листвы и сырого снега.

– Береги прилежно и не используй часто, – найдя Персефону у подножия холма, Эрик вручил ей флягу. Дрогнули пальцы Княгини: непрошено вспомнилась ей прошлая зима, лютый мороз среди заснеженных курганов и одинокий выстрел, которого она не желала, но которому – кто бы знал! – и должно было свершиться.

– Спасибо, – опустив голову, ответила Персефона. – Я бы не смогла... ещё раз.

– Так и не нужно было, – на лицо Эрика мало-помалу возвращалась улыбка. – Князь мне приказал лично его проводить, а тебя даже от зрелища избавить.

Не поднимая головы, Персефона выловила среди складок шарфа тонкую цепочку, на которой теперь висел осколок влтавина, подаренный Артемисом. В легендах о метеоритном происхождении минерала обнаружилась изрядная доля научной истины, и теперь Персефона разглядывала каре-зелёный осколок на просвет, пытаясь вообразить себе силу удара небесного тела, обратившую речной песок в стекло.

Того же цвета, что влтавин, были Артемисовы глаза.

Нет секрета в том, что для доброй Охоты нужны Князю достойные гончие. Одной из таких и был юный хорватский оборотень, которого Эрик много лет назад одарил новым именем и новой тропой – по правую руку от себя. Платой за честь и доверие стала тайная работа: всякий раз после Дикого гона Артемис исправно прибирал и подчищал последствия неумеренного разгула отдельных представителей обширной княжеской свиты. В особо неприглядных случаях – подчищал свиту от этих самых представителей.

– Не так страшно берега попутать, как их вовсе из виду потерять, – говорил в таких случаях Эрик. – Люди обзывают нас «тёмными силами», а зря. Нашей сутью должна быть не тьма, но сумрак: в сумраке границы зыбки, однако ж, ещё различимы...

Вдохновлённый этими словами, а более того – верой Владыки в него, никчёмного волчонка, укрепил Артемис силу своей воли, которую судьба грызла-грызла, да зубы поломала, и вырос в княжеского охотника, быстрого и меткого, надёжного и молчаливого. Научился танцевать на изломах границ, убивать изящно и милосердно, а на боль отвечать улыбкой, от которой недругов жуть брала.

Знать бы, скольких ещё таких же – отверженных, потерянных, ненужных – удержал Князь на тонкой грани, в шаге от чёрного мрака? Скольких научил не скалиться, рыча, на всех подряд, ведая укусы как единственную форму выражения любви? Скольких заново перебрал по косточкам, зашив старые раны, и повёл за собой?..

Нет конца и края туманам Приграничья и Загранья. Бьётся тихая волна в каменный берег, долетает с далёких полей лавандовый ветер, долетает из близких лесов аромат терпкой хвои и палых листьев, несёт Осеннему князю спокойные сны.

Сгорает над миром самый короткий день, шествует следом Долгая ночь, и бесшумно бегут сквозь неё верные князьки гончие.

Тень, что не хочет зла

В безымянном перелеске под Могилёвом творилось тяжкое и опасное волшебство. Юркая фигурка, то и дело утопая в сугробах, металась по окружности графического заклинания, что было вытоптано прямо в снегу. Пройденный путь отмечала тонкая алая линия и россыпь нераскрывшихся бутонов: в одной руке у дерзкого мага билась в последней судороге обезглавленная чёрная птица, на другой висела цветочная корзина. Над снегом стелился низкий туман, звенели в звёздной тьме незримые струны.

– Никто в меня не поверил, – прошептал юный чародей, – зато и остановить некому...

Полыхнуло в центре символа алое пламя, спустя миг ставшее голубым. Яркие огни отразились в сотне радужных стёкол, что были накануне похищены из новогодних подарков и теперь сверкали в точках пересечения линий, продлевая и множа собою свет. Право же, как наивен оказался новый Осенний князь – заказал Стеклянному мастеру волшебные очки для всех и каждого, чтоб любой желающий и хоть немного могущий узрел вокруг себя чудеса! Будто от этого ракеты станут фейерверками, а друзья и любимые воскреснут...

– Лишь мне открылось, как можно – и нужно! – использовать эти стеклахи!.. А наставница меня из класса выгнала... ещё и высмеяла перед всеми...

Хлёткий ветер сорвал слова обиды с губ мага, слёзы прожитого унижения – с его ресниц. Близился самый тёмный час, в котором не было места вере в щедрое чудо. Час, в котором не оставалось сил для смиренной надежды. Час, за чьи тайны нет иной платы, кроме собственной жизни.

Широким прыжком заступив в центр фигуры, маг заставил себя совершить последний вдох и, срывая голос, крикнул небесам:

– Я отменяю прошедший год!!...

В канун Йоля Персефоне не спалось. Неясная тревога витала над её головой, скрываясь от внимания в тёмных углах старинного немецкого дома.

– Видать, дело в новом месте, – выскользнув из одеяла, Персефона зажгла ночник и свечу, миновала деревянную опору фахверка, торчавшую посреди квартиры, и в три шага достигла кухонного стола. Непривычным было единое пространство (спасибо, что ванная отдельно), непривычными были косые углы мансардных стен, претендующих на звание потолка с окнами. Зато этажом ниже находилась «Самодива», её студия красоты, получившая новую жизнь в иной стране. Бумажная волокита была легко повержена коллективным колдовством; на соседней улице поселилась Дина, стилист-волшебница, и музыкант Марк, ставший её мужем. Да и до многих, кто присягнул на верность новому Князю и его Княгине, теперь было рукой подать. Так откуда взялась эта ночная тревога и о чём она?..

– Если тут завёлся дух, пусть об этом скажет вслух! – встав со свечою перед зеркалом, повелела Персефона.

Придверные обереги тихонько зазвенели, живое пламя дрогнуло и разгорелось ярче. Дух о себе не заявил, но в отражении окна за плечом Княгини случилось едва заметное движение. Резко обернувшись, Персефона подбежала к подоконнику, распахнула широкую створку...

Никого.

Пожарная лестница пуста, на крыше ни звука, лишь с ночного неба падает крупный снег, с тихим шорохом укрывая шершавую красную черепицу.

Поскольку сна ни в одном глазу так и не появилось, Персефона села за разбор подарков, что принесли гости на её с Артемисом свадьбу. Подарков было столько, что заполнили бы они

собой всю квартиру, достань их Княгиня разом. К счастью, тут и пригодился облегчемодан, дар от гильдии подкроватных вещекрадов.

Первой под руку попалась расчёска из семи древесных пород – от неё и волосы, и мысли становились красивыми да ладно уложенными. Запустила Персефона расчёску в короткие свои кудри, что после посвящения стали изрядно темнее прежних и вились теперь как попало. А следом нашлось и над чем подумать: явилась из облегчемодана старинная книга в тиснёной обложке. Красив был орнамент по краям её, да только названия нигде не нашлось. Схватившись за уголок, открыла Персефона книгу и тихо вскрикнула, когда игла, скрытая в краю обложки, уколола ей палец. Вслед за болью пришло изумление: на титульном листе, пожелтевшем и плотном, проступила бледная витая строка:

«Волшебные предметы и существа: легенды и факты, прошедшее и настоящее».

И снизу – тонким пером – приписка: «Полный текст доступен для особ княжеской крови».

– Ах, это авторизация такая, – поплевав на палец, усмехнулась Персефона. – Что ж, приступим...

Следующий разворот явил собой карту мира, при взгляде на которую что-то случилось со зрением Персефоны: блуждая по ней глазами, могла она приближать силой желания отдельные области и времена, узнавая о происхождении и миграциях всевозможных чудесных обитателей.

Уже светало, когда окончила Осенняя княгиня беглое знакомство с книгой, и, долгожданно зевнув, нырнула под одеяла. Заснула она спустя пару минут, и тихий шорох на крыше уже не коснулся её сознания.

– Да что ж за праздничная напасть, – ворчал командир эскадрильи имени деда Мороза. – То в прошлом году кража, то в грядущем...

– В тот раз, помнится, нам владыка Самайна помог, – намекнул правый ведущий пилот. – Ныне он уже за грань отошёл, но его Княгиня нам дозволила в случае чего к ней обращаться.

Комэск намёк понял, заправил свои сани мечтопливом и взял курс на Берлин. Лететь было сумрачно и туманно, хотя часы уверяли, что полдень давным-давно настал.

На крыше неистово возились птицы. Персефона разлепила глаза, глянула в хмарный квадрат мансардного окна, затем – в телефон.

– Ничего себе я продрыхла! Впрочем, немудрено с такой погодкой...

В хриплом птичьем оре вдруг ясно послышалось:

– Пр-рочь, вр-ражина! Не тр-ронь Пер-рсефону!..

Дрёму сдуло в один миг. На кончиках пальцев Княгини заплясали искры. Удар сердца отозвался в горле, где рождалась ловчая сеть заклития:

– Тот, кто мне желает зла, станет пепел и зола!

За окном зашипело и заискрилось с воплями, следом нечто шмякнулось на площадку пожарной лестницы. Запоздало вспомнила Персефона, что дом-то деревянный, а дождь она призывает не так хорошо, как хотелось бы. Впрочем, возможный пожар казался меньшей из проблем. Схватив первый попавшийся острый предмет, Персефона распахнула окно, ведущее на пожарную лестницу. Оттуда немедленно попыталась удрать большая пернатая сущность, но перебитое обгорелое крыло подвело её.

– Не ешь меня, – пискнула сущность. – Ещё пригожусь...

Персефона обратила взгляд на собственный кулак с вилкой. Мда, воистину грозное оружие. Пернатое задёргалось от смеха, которым старалось пересилить боль.

– Кто пришёл ко мне с добром, для того открыт мой дом, – торопливо шепнула Персефона в сторону оберегов, выкинула вилку, изловила существо и внесла в тепло.

То забилося обо всё подряд и разметало по комнате перья, от которых Персефону одолел чих. Прочихавшись, она обнаружила за креслом растрёпанную нагую девчонку с обожжённой рукой.

– Прости, владычица, – взмолилась девчонка. – Всю Долгую ночь я сторожила, да не явилось никого. А с рассветом, когда тьма уж не должна быть властна, дрема меня взяла, и тут эта дрянь как налетит! Я её почти добила, а она хоба – и гореть...

Персефоне стало неловко. Телохраниителей она не просила, разве что это само собой разумелось. А уж нечаянно покалечить стражу было и вовсе постыдно.

– Откуда ты вообще...

– ...на твою голову свалилась? С крыши же.

Юмор у птицедевочки был что надо. Персефона подала ей руку, заставляя вползти на кресло, очень кстати укрытое пледом.

– Гнездись, а я пока лечебным арсеналом тряхну. Как тебя звать, чудо в перьях?

– А так и зовите, если нравится. Супруг ваш называл Съена. По-русски «тень», выходит.

Персефона чуть склянку с отваром из рук не выпустила.

– Так это он тебя прислал?

Девчонка кивнула, прикрыв серые очи. Надо же, уснула. Совсем как Артемис, которого Персефоне не раз и не два доводилось приводить в порядок после его ночных дозоров. Какая ж она была дура – там, в другой жизни! Думала вначале, что связался её балканский эльф с криминалом (честно говоря, подумали так родители, а она поверила). Потом уже узнала от Артемиса правду о Дикой охоте.

Забинтовала Персефона руку Съены, не пожалев чудесных мазей. Вгляделась в её усталое лицо: нет, на Артемиса ни капли не похожа. А если всё-таки дочь – не родная, так приёмная?..

Не успела Персефона додумать эту мысль, как в окно вежливо постучали.

– Доброго солнца, Княгиня! Можешь ли выглянуть на разговор?

Второй раз за утро распахнула Персефона оконные створки:

– Привет и тебе, новогодний ас! Ты как раз к завтраку!

Комэск, свесившись с летучих саней, замахал руками:

– Не стоит хлопот, я на минутку! Извинений попросить да в курс дела ввести. Одну партию волшебных очков спёр кто-то не дале, как позавчера. Стекланный мастер с помощниками уже готовят замену, а мы к православному Рождеству постараемся подарить всё чин по чину... В общем, невелика беда. Может, и зря побеспокоил тебя, Княгиня, да только таить наш промах совесть не позволила, так что прости уж...

Второй раз за утро перед Персефоновой извинялись почём зря. Она качнула головой:

– Верно сделал, что доложил. Винить вашу братию вовсе не собираюсь. Если что-то новое обнаружится, шлите весточку.

Комэск козырнул, перевёл сани в невидимый режим и умчал по местным адресам. Персефона захлопнула окно и, дрожа от холода, накинула на плечи длинную шаль.

Морозный ветер блуждал по улицам, удивлённо касаясь робкой листвы, что явилась в ответ на затяжную европейскую оттепель. Зима требовала немедленно восстановить её в правах и призвать распутившуюся природу к покаянию.

Незаметная замена

Сон Осеннего князя был глубоким и безмятежным. Временами из мягкой тьмы проявлялись перед его мысленным взором видения прошедшей Охоты – ночной полёт над россыпью городских огней, среди которых драгоценно и многоцветно сияли людские души. Лакомая приманка для тех, кто давным-давно утратил всё человеческое, а то и вовсе никогда им не обладал.

Князь дозволил своим подданным бой, но запретил бойню: приходилось блюсти правила чести, не нападать толпой на одного, а главное – оставлять поверженную жертву в живых. Впрочем, свите хватило, чтобы насытиться, установленной грани не переходя: ведь кто возьмёт больше необходимого, может и сам ненароком сделаться добычей...

Избранный путь ощущался сложным, но верным и полным красоты, что открывается на изломах зеркальных граней, на взлётной полосе и острие клинка.

Тихо спал Осенний князь в уютном коконе, свитом из нитей собственной силы. Не будила его краткая судорога пространства и времени, что случилась в Йольскую ночь.

Обожжённая рука Съены заживала стремительно: чудесные мази и хорошая регенерация делали своё дело.

– Семь лет назад Артемис меня в Карелии нашёл, от злоснеговиков спас и предложил ученицей стать, – рассказала Персефоне девчонка. – Как я поняла, с тогдашним Князем у него личные счёты имелись, но я решила: буду служить тому, кому жизнью обязана, а не тому, кого один раз издали видела.

Смешно дёрнув плечом, Съена цопнула с тарелки марципановую конфету.

– Злоснеговики? – переспросила Персефона. – Это как?

– Когда в раффтроенных чуфтвах лепиф, – сквозь конфету пояснила Съена. – Если в первую ночь оттепель, а во вторую сильный мороз ударит, на третью они оживут и айда давить всё живое. В ту зиму их много развелось, поэтому мы раздобыли огнемёт и отправились на гастроли по русской глубинке. А ещё Артемис воскресил во мне дар обращаться. В детстве-то я это делала с лёгкостью, пока в школу не пошла.

– Несправедливо: мы тут мёрзнем, а в Европе деревья цветут! Опять у тамошних колдуний компоненты для зелий закупать? Никакого, понимаешь, импортозамещения...

– Говорят, в тех краях нынче торчит Осенняя княгиня, потому у них и тепло!

– Давайте ей напишем, пусть в гости приедет, милость своим подданным окажет...

Персефона пробежалась глазами по строкам коллективного письма от ведуний центральной России. Поглядела в метеосводки, подивившись внезапному и чересчур дерзкому разбросу температур. Нечто подобное случилось и в прошлом году, но причиной тому были выходы Зимней царевны, разозлённой упрямством Артемиса. Ныне такое объяснение было, к чести Владыки, исключено.

– Что за хтонь на этот раз? – простонала Персефона, решительным шагом направляясь в торговый центр по шубу.

Мысль о том, что её пребывание в мире явленном и впрямь могло породить погодную турбулентность, Персефона предпочла не развивать без весомых доказательств.

Пляшут на ёлках весёлые огоньки, подмигивают – мол, новый год, радоваться положено. Пляшет на свечах молчаливое пламя – и всё прибывает его на заупокойных канунах, в какую церковь ни загляни.

Мимо пограничных столбов и оставленных домов бредут, приносиваясь, безликие белёсые тени. Вот и трасса, что приведёт к тёплому и живому. Туда, где отчаянно ждут. Туда, где упрямо верят, что дождутся.

Прислоняются тени к закрытым дверям квартир, откуда веет тоской и надеждой. Впитывают. Обрастают лицом и одеждой.

На заре раздаются дверные звонки.

Хранитель атомных часов был в отчаянии. Самый юный из Стражей времени (и самый перспективный, как уверяли коллеги) – а таки напортачил, упустил, ошибся!

Третий день подряд Хранитель отмечал расхождения в пространственно-временном полотне – микроскопические, заметные пока лишь ему. Вначале думал – разладилось что-то или в часах, или в нём самом. После тщательной проверки обе гипотезы исключил, но нестыковка осталась и с каждым днём ширилась. Если так и дальше пойдёт – неладное заметят хранители электронных часов, а вслед за ними – башенных.

Пришлось рискнуть репутацией и объявить сбор цехового совета.

Не, ну как так-то, итоговая контрольная по трансинтеграции – а этого чудика нет, и телефон три дня не отвечает! У кого теперь списывать-то?

Настёна вздохнула, скрестив пальцы. Чары нечаянной удачи были её коньком. Это Михась, молчаливый сосед по парте, умел брать знаниями и упорством. И ведь не прогуливал никогда...

К концу учебного дня преподавательский состав могилёвской академии прикладного волшебства встал на уши. Охранная лиса принесла в зубах кровавые ошметки, бывшие в недавнем прошлом одеждой одного из учеников.

Ведуны приняли Персефону с такой церемонной вежливостью, что ей немедленно захотелось сбежать. Увы, было нельзя: Осенняя княгиня пообещала гостить в мёрзнущих городах и сёлах не менее недели. Впрочем, скучать не пришлось: мало-помалу ведьмы и чародеи отталяли и принялись делиться с ней секретами ремесла, а то и спрашивать совета. Хорошо, что при Персефоне был облегчемо-дан, а в нём среди прочих диковин – книга о всевозможном волшебстве.

– Чем задобрить лифтовика?

– Можно ли делать приворотные коктейли на минералке?

– Когда у вещей ворон совершеннолетие? Моей полтора года, и она хочет вести блог...

Любопытные головы склонялись над книгой. Персефона искала живое место на собственных пальцах, тыкала туда иглой авторизации и задавала вопрос.

– Как упокоить живого мертвеца? – тихо выдохнул щуплый паренёк.

Съена, на которую все забыли обращать внимание, вдруг придержала руку Персефоны:

– Побереги пальцы, Княгиня. Сдаётся мне, я в силах ответить.

Пытливые глаза – голубые и карие, широко распахнутые и раскосые – устали на птицеводку. Та усмехнулась, ощутив чужой интерес не столь к ответу, сколь к себе самой: так удивляются, заметив на стене ожившую тень. Персефона кивнула, давая Съене слово.

– Три шага понадобится, и один другого сложнее. Первый: узнать, что мертвец любит... любил и как умер. Второй: изловить и упокоить, методы и средства на ваш выбор, с учётом шага один. Третий: заставить того, к кому он вернулся, оплакать и отпустить. Иначе всё зря.

Воцарилось молчание, в котором явственно послышался всхлип. Всклипывал ученик чародейки, вопросивший про мертвецов.

– Мама меня даже слушать не станет... Она такая счастливая весь день...

Парня немедленно обняли, успокоили и как следует расспросили. К полуночи, собрав всё необходимое, тайком двинулись к его дому.

От Персефоны теперь делали вежливые попытки отвязаться – «ох, да не стоят наши мелкие заботы высочайшего внимания» – но Княгиня улыбалась в ответ благожелательно и непреклонно. Вмешиваться в ритуал, однако, не стала, тихонько замерев под ближайшим деревом.

Чародеи окружили дом. В нарядных окошках – наличники, занавесочки – горел уютный свет. Пухлая женщина хлопотала, собирая на стол. Мужчина сидел спиной к окну, и Персефоне была видна лишь растрёпанная шевелюра да потёртая рубашка цвета хаки, но что-то в этой фигуре было не так.

– Вовка! – распахнув форточку, крикнула женщина во двор. – Дуй ужинать, еда стынет!

Ученик чародейки отделился от теней, что залегли в заснеженном огороде. При свете далёкого светодиодного фонаря, единственного на всю улицу, его лицо казалось исхудавшим и обескровленным. Наставница положила руки ему на плечи, выдохнула уверенно и тепло:

– Ты справишься. Мы рядом. Иди.

Три парных облачка растаяли в морозном воздухе. Оберег на шее Вовки слабо засветился золотом. Парень помешкал у порога, стряхивая с обуви снег, сотворил охранный знак и скрылся за дверью.

Ужин пошёл своим чередом, но только слепой не заметил бы, что на тарелке у мужчины почти не убавляется, а что убавляется, то стекает из-под него на пол кровавистой жижей. Но женщина была слепа. Её муж, которого в сентябре угнали на фронт, в октябре объявили пропавшим без вести, а в ноябре погибшим, вернулся к ней, будто в мешке Деда Мороза доставленный. А что не помнит ничего, кроме её с сыном имён, так после контузии отбило, но в родном-то доме всё помаленьку вспомнится...

Вовка оживлённо жестикуюлировал и что-то предлагал. Мать сначала глядела на сына как на дурачка, но понемногу смягчалась.

– Вов, какие фейерверки? Люди спят!

– Ну мам, новый год же, подумаешь – послезавтра... И вообще, я та-акую ракету собрал, хочу папке показать, как полетит. Пап, пойдём во двор прямо сейчас, а? Ты ж меня сам учил всей этой аэродинамике, баллистике...

– ...динамике, – раздаётся из мужской фигуры. – Учил...

«Знакомое слово узнал, – радостно думает мать. – А пусть жажнут, вдруг у Гришки моего от этого память вернётся?»

Дальше всё стремительное и обрывочное, как плохой клип.

В руках у Вовки ракета, в тени у ног – канистра керосина. Вторую канистру его наставница уже опустошила, щедро облив за сараем старый плед. Чиркает под ракетой зажигалка – раз, другой, а огня всё нет. Мёртвый нос не чувствует, как разит керосином, а вот живой – очень даже.

– Вовка, кто тут керос разлил? А ну убери огонь, сгорим же!..

– Ого-онь, – исторгает из себя мужчина, озираясь невидяще и бешено. – Сгоре-ел...

Припав на четвереньки, с неожиданным проворством он сигает в кусты – и натывается на незримую преграду: кто-то из колдунов успел выставить силовой барьер.

Конспирация провалена, можно не стесняться. Наставница выскакивает из-за сарая, кидает плед на фигуру, в которой уже больше паучьего, чем человеческого.

– Сейчас!!

Ослепительная искра срывается с пальцев Вовки. Не зажигалка: собственный дар огня.

Пламя занимается мгновенно, возносясь в порыве ветра чуть не до крыши дома. Из-под пледа доносится утробный смертный вой. Вторя ему, вопит Вовкина мать:

– Ты что твори-ишь, ирод?!

Теряя тапки, женщина кидается в костёр, что в единый миг стал погребальным. Сын ловит её за кофту, получая в ответ отчаянную оплеуху; оба падают в сугроб. Скрюченными от ненависти пальцами та тянется к сыновней шее, но быстрая серая тень заламывает ей руки за спину.

– Теперь говори с ней. Снимай морок.

– Мам. Послушай... Это не папа там. То, что им притворилось, из нас бы через неделю души выпило в обмен на обман. Тяжело закрывать дверь надежде, вот оно в эту щель и проскользнуло. А совсем тяжело – прощаться навек, но если... если не сделать этого прямо сейчас, оно восстанет и тогда нам точно конец. Пожалуйста, мам. Ради нас. Не позволяй этой сущности осквернить папину память...

Руки женщины слабеют, вместо тяги душить обретая желание обнять. Съена выпускает пленницу, и та тычется заплаканным лицом в плечо сына, шепча заветное: «Отпускаю». Перекивая вой и скрежет, седая ведунья поёт над огнём отходной заговор. С последним его словом в небо возносится ракета, о которой все успели забыть.

Семицветный букет расцветает в небе, отмечая полночь.

На второй неделе января морозы ослабили хватку, но Персефона решила задержаться в гостях, дабы сохранить достигнутый результат и отметить старый новый год, закрыв личный марафон зимних праздников. К тому же прямо на её глазах начала проясняться жуткая история, обещавшая открыть истинную причину убийственных холодов.

Хранитель атомных часов был прав: световой день не прибавлялся, хотя земная орбита осталась прежней: секунды пространственного-временного смещения стали тем разломом, в которую еженощно успевала пролезть незваная хтонь межмирья. Разлом становился дольше. Лес под Могилёвом оцепили волколачьими отрядами. Среди вещей Михася был найден дневник с расчётами и формулами запретных заклинаний.

– Зря я парня перед классом выставила да идею его в пух и прах разносить начала, – запоздало убивалась наставница. – Думала, это поможет ему шагнуть из прошлого в настоящее и жить дальше, ан нет...

– Михася ошибся или время и впрямь можно вернуть на новый круг?

Персефона спросила тихо, но наставница вздрогнула.

– Эту тему мы проходим лишь в контексте древних легенд и ошибочных теорий...

Кто бы подсказал, как теперь прибрать последствия ошибочного эксперимента.

Марш забытых богов

Странная штука время: то тянется жвачкой скучных лекций, то несётся заполошной птицей, обгоняя самолёты и поезда, а сверишь стрелки – один и тот же час прошёл. Говорят, что самые искусные чародеи владеют тайной микросмещений, но даже им под силу выправить полёт лишь жалкой стайки прошедших мгновений, никак не более.

– Михась решил стать проводником людских отчаяний и надежд, думая использовать эту энергию для квантового прыжка, – изучив записки погибшего мага, заключила его наставница. – И он смог составить сложнейший графический ключ, внёс даже поправку на координаты Земли в Солнечной системе. Но для успеха, пусть мы предполагаем это чисто теоретически, нужны одновременные усилия сотен, тысяч чародеев в точно рассчитанных точках планеты. А он был совсем один...

– И наворотил дел, а вы проморгали. Чародеи...

Наставница подавилась воздухом, заготовленным для следующей фразы. Тот, кто одним махом подвёл итог её долгой речи, был, безусловно, прав. И не только потому, что являлся главой департамента общемагической безопасности в европейской зоне.

– Виновата...

– Это мы обсудим позже. Когда закроем разлом.

Блюстителю волшебного порядка обладал странной сверхспособностью: фразы, обронённые им с достаточной решимостью и верой, весьма быстро претворялись из желаемого в действительное. Сложно сказать, подчинилась ли магическая книга Персефоны чужой начальственности или ласковой просьбе собственной госпожи – но после третьей попытки, когда Персефона догадалась смешать свою кровь с кровью Артемиса и скормить этот коктейль упряму фолианту, одна из его страниц расцвела дивными орнаментами и странными стихами.

*Если скованный телом надоит в кувшин небесного молока,
Если предок отдаст, что случайно нашёл, а потомок – о чём не знал,
Если сможет у берега выковать волк исцеляющий время знак,
То межмирная пряха придёт, чтобы сшить разверстые берега.*

Опасаясь, что пророчество выцветет, Персефона переписала его на бумажку и для верности набрала также текстовым файлом. Всё равно нести в ведмочатик: может, хоть там кто-то разгадает шифр? Осеннюю княгиню, увы, не озарило.

То ли от напряжённой умственной работы, то ли от капризов погоды у Персефоны разболелась голова, да так сильно, что её аж вытошнило. Съена поднесла Княгине воды с таблеткой, уложила в постель и укрыла одеялом. Потом принялась по-особому, как учил Артемис, но дурными чарами ниоткуда не несло. Да и с чего бы из каждого угла чарам торчать? Этак недолго и крышей поехать от излишней мнительности...

Чем-то любопытным, однако ж, веяло, но Съена распознала не угрозу, а вовсе наоборот – потребность в поддержке и защите. Ну, именно для этого она и рядом.

Чатик тем временем начал варить. Среди голосовых сообщений и выдержек из трактатов о магии звёзд мелькнуло чьё-то робкое: «Совпадение, наверно, но мой дядя астроном, и пять лет как не может ходить, но работать ему это не мешает».

Набравшись дерзости, Съена села за ноутбук Персефоны и попросила контакты чужого дяди. Совпадения в странном межвременье пахли неслучайностью.

Каждую земную полночь в Загранье и Приграничье тянуло кратким сквозняком, будто кто-то распахивал вселенскую форточку и тут же её закрывал. Иногда в щель разлома мелкими порциями всасывало разномастную призрачную дрянь, которую подобно мусору выносило в воплощённый мир. В обозримом будущем щель грозила стать вратами: тяга усиливалась, рождая беспокойные ветры на свалке нерождённых идей и в усыпальницах забытых богов. Боги желали пробудиться и занять очередь на выход.

Пиар-менеджер и блогер Лиза была про всё это ни сном ни духом. Лизе вообще было не до мистических нарративов: позавчера умер её дед, а завещание до сих пор не отыскали. В квартире, за которую Лизину отцу, вероятно, предстояло бодаться с собственной сестрой, нашлась лишь куча книг и пыльного хлама ушедшей эпохи. Впрочем, один чемодан уже открыли, ибо на нём было написано «Внучке от бабушки».

– Пап, это чё такое? – заглянув в потёртые чемоданные недра, спросила Лиза.

Отец созерцал большую пёструю юлу, с которой играл в собственном детстве и которую, повзрослев, считал потерянной при переезде. Потом заметил в боковом матерчатом кармашке плотный лист бумаги, пожелтевший от времени.

– Там что-то по-немецки, – Лиза взгляделась в фабричную печать и пару рукописных строк. – Сделано в Кёльне почти век назад, ого! А рядом дедушкин почерк. «Личная машина времени, экспресс в счастливые дни и защитный круг для доброго света души».

Ничего не ответив, отец извлёк юлу, установил горизонтально и с силой нажал на рычаг. Жалобно скрипнув заржавевшим нутром, юла пошла в танец. Отец поддал оборотов:

– Смотри!

Пёстрые пятна и случайные росчерки на поверхности юлы начали сливаться в странный символ, формой более всего похожий на...

– Крендель! – рассмеялась Лиза.

– По-немецки будет «бретцель», – поправил отец. – Игруха-то трофейная.

– Слушай, пап. Почему дед её мне решил отдать? Она же твоя. Может, заберёшь?

Отцовы глаза потемнели.

– А я не хочу помнить ни про родительские ссоры и развод, ни про отчима, ни про папкину новую семью. Впрочем, эти скоро сами о себе напомнят. А с юлой делай, что хочешь, хоть антикварам в интернете продай.

На Лизино объявление откликнулись день спустя. Возможно, помог видеоролик, где юла была продемонстрирована в действии. Покупатель заплатил чуть больше запрошенного, и Лиза вначале подумала, что тот желает покрыть расходы на пересылку, однако, её вопрос насчёт адреса остался без ответа. Покупатель пообещал прислать курьера завтрашним вечером и попросил ничему не удивляться.

Лиза ожидала кого угодно – например, глухонемого неформала, но ожидала она у двери, а стоило – у окна. Когда туда постучали, девушка чуть в обморок не упала.

За окном парили изящные сани, которыми правил бородатый карлик в тёплых зелёных одеждах. Лиза открыла окно, и мягкие снежные хлопья ворвались к ней в комнату.

– Э... о... здравствуйте, – решив, что вначале отдаст заказ, а в обморок хлопнется сразу после, произнесла Лиза. – Вот, всё в целостности-сохранности, вместе с чемоданом.

– Благодарю вас, прекрасная девушка, – привстав, карлик учтиво склонил увенчанную шляпой голову. – Счастья в новом году вам и вашему дому.

Бесшумно и резко сани взяли вверх. Лиза обмякла и растеклась по полу.

Кораблиный силуэт башни Эйнштейна почти целиком был скрыт в строительных лесах, лишь полусфера купола виднелась над ними. Сейчас купол был раскрыт, и в проёме меж двумя мощными створками, ловя последний отблеск заката, блестела линза телескопа.

– О майн го-отт, – тихо стонал Рихард Зеер, – дизе линзен зинд ниht фюр ди штэрнэ¹...

Ведущий астроном Научного парка Потсдама метался на инвалидной коляске от компьютера к телескопу, синхронизируя траекторию его движения с ночным перемещением Млечного пути. Вчерашним утром к нему явился давно не виденный племянник в компании двух странных личностей. Используя племянника в качестве толмача, личности поведали о пространственно-временном сдвиге, сквозь который в мир начала лезть паранормальная дрянь, а также и о шансе заштопать прореху, для чего им нужна звёздная нить и его, герра Зеера, помощь в добывании оной нити. Седой астроном терзал пальцами колёса собственного кресла, выбирая самые вежливые из посылательных выражений, но один из незнакомцев вдруг задал ему простой вопрос:

– Вам не кажется, что рассвет должен наступать раньше, чем он делает это сейчас?

Вопрос попал в цель. Наблюдательность не изменяла герру Зееру по сей день, но его разум, свято верующий в незыблемость физических констант, выметал замеченное на окраины сознания. Ныне Рихард Зеер готов был веровать во что угодно.

Дождавшись, когда перестанут жужжать сервоприводы, астроном кивнул двум чародеям, которых протащил с собой под видом лаборантов. Те извлекли из пёстрога покрывала сосуд, что показался немецкому учёному обычной пивной бутылкой, сделанной из очень тёмного стекла.

– Магия не в форме, а в материале, – пояснил один из чародеев, позволяя Рихарду рассмотреть иссиня-чёрную поверхность поближе. – Но это служебная тайна.

Следом на свет явился моток изолянта.

– Самый волшебный предмет, – улыбнулся его коллега.

Горлышко сосуда крепко примотали к окуляру телескопа. Ночь обещала быть звёздной.

В кузнице на окраине датского городка Рёдбю пахло давно угасшим огнём, а единственный металлический звук издавала пляшущая юла, с бока которой кузнец срисовывал символ. Тот оказался похож не столько на бретцель, сколько на морской узел со знаком бесконечности.

– У меня уж почти год как заказов не было, – предупредил кузнец, доставая с полок инструменты и металлы. – Тем более волшебных.

Персефона намёк поняла и махнула ведуньям рукой, приглашая выйти во двор:

– Не будем смущать мастера.

Над крышей кузницы потянуло дымком. Работа началась.

– А ведь действует эта теория рукопожатий, – потрясая смартфоном, словно амулетом, признала пожилая ведьма. – И астронома, и кузнеца по имени Вольф мы через десяток общих знакомых нашли. А вот чудо с юлой не уразумею – это ж как иголка в стогу...

– Если только тот стог не в мировой сети лежит, – улыбнулась Персефона. – Цифровой бог Гатыборь нам помог. Он искал ключевые слова по всему интернету и нашёл в объявлении с барахолки. Повезло, что та девушка честно описала историю артефакта.

¹ О мой бог, эти линзы не для звёзд (нем.)

По лесам и оврагам, по просёлкам и проспектам рыскали княжьи гончие. Работы для них привалило невпроворот, и если б не помощь департамента общемагической безопасности, долго б ещё пришлось им гоняться за просочившейся в мир хтонью.

Вот, допустим, малый городок: три улицы в ряд да две поперёк, с горы на санках катаются дети, соревнуясь, кто проедет от вершины дальше, к тонкому речному льду ближе. Влюблённая парочка гуляет с собакой. Старушка спешит к вечерней службе. Возвращается на побывку солдат, дымит во дворе папирсой. Бредёт ему навстречу бледная девочка, в косах банты.

– Где тут у нас нелегальные мигранты? – усмехаясь в усы, боевой маг обозревает окрестности городка с высоты полёта новогодних саней.

Окружают девчонку с бантами проворные тени, плетут ловчую сеть заклинаний. Девчонку корёжит: пропадают силы поддерживать людской облик, не добраться уже до заветной двери, не напитаться до отвала чужой отчаянной надеждой. Сгорает нежить адским пламенем: со стороны кажется – огненный фонтанчик.

– У, хулиганы, – трясёт клюкой подслеповатая бабуля. – Дом подожгут и не заметят!

Очки, сквозь которые и впрямь удавалось узреть скрытое, ещё ни разу не подвели ни княжьи гончих, ни боевых магов. А чтобы дети на горке смогли увидеть добрые чудеса, кто-то должен вовремя заметить злые. Защитить. Научить защищаться и защищать.

Меж землёй и небом, меж былью и небылью снуёт незримая игла, тянется за нею звёздная нить. Сотня глаз у Пряхи, сотня рук: видит она в полотнах миров все прорехи да ветхие швы, умеет крепко заштопать, а где надо – и заново соткать, да только давным-давно не будил её никто, с горячими просьбами и годными нитками не приходил. Уж думалось – не нужна более миру, а тут сама Осенняя княгиня явилась...

Ложится в пространстве последний стежок, тугой узел стягивает края распоротого времени. Конец нити спешит навстречу началу сквозь полый лабиринт выкованного знака, сходится в самом его центре ещё в три узла.

Удар молота звенит в небесах полуночным благовестом. Надёжно запечатан знак.

Светает над миром ослепительно красиво и, наконец, вовремя.

Сквозь защитный сумрак княжеского кокона проскользнули к Артемису чьи-то руки, блуждая в нежных поисках. Князь очнулся, перехватил руки и вытянул в свои объятия призрачную Персефону.

– Радость моя...

– Здравствуй, родной.

Сложное колдовство удалось Персефоне: отвар, что прошлым летом помог ей проникнуть в Приграничье и Загранье, сотворила она на этот раз без чужой помощи. Одна капля крови Артемиса – одна земная минута в нездешнем краю. Половина запаса на беседу с Пряхой вышла, для свиданий лишь час остался.

– Ты спи, а я буду сказку сказывать. О том, как один волшебник время с пространством надорвал, а межмирная пряжа звёздной нитью заштопала. О том, как мы со Съеной дружны стали. И о том, как к исходу лета появится у нас с тобою наследник...

Молоко и мёд

Новость о собственной беременности стала для Персефоны форменной сенсацией. Сколько лет мечтала её мать о внуках, да всё без толку, а за три дня до смерти обронила странное: «Верно сказали мне, не моя забота...»

Кто сказал, так бы и осталось загадкой, если б в облегчемодане Персефоны не обнаружилось маленькое зеркальце, точная копия того, которым владела лунная богиня Менесс. Январское новолуние миновало позавчера, но Осенняя княгиня чуяла в себе достаточно сил, чтобы установить связь с Чертогами покоя.

– Отзовись, мама...

Бусины несказанных слов. Иглы высказанных. Серебряный свет сквозь ресницы.

– Персефоночка, ты? Прости меня...

– Прости...

Сквозь шорох помех тихим эхом прозвучало общее слово, отомкнуло закрытые двери.

– Можешь на меня рассердиться, мам, – решила Персефона, – но на Артемиса не надо, прошу. Мы сыграли свадьбу осенью. Как бы я хотела, чтоб вы с папой там были...

Лицо матери пошло рябью и вновь просветлело:

– А я его вспомнила! Высокий такой, чернявый. Помогал тебе в последний путь нас снаряжать. Что ж! Если в горе с тобой рядом был, пусть и в радости останется...

Персефона выдохнула. Она готовилась к обороне, но, видимо, даже за гранью земного бытия душам дано меняться и переосмыслять, благо времени для этого предостаточно.

– Кстати, о радостях, – подхватила Персефона. – Бригитта сказала, что я жду двойню.

Призрачная мать ахнула, закрыв рот ладонью. Счастливый блеск, мелькнув в её глазах, сменился серой тревогой, причин которой Персефона не могла понять.

Зеркало вновь зарябило, на этот раз сильнее. Самый тёмный час ночи подходил к концу, оставляя время лишь на важные вопросы.

– Чего ты боишься, мама?

Седая женщина в лунном зеркале сцепила ладони не то в молитве, не то в покаянии.

– Хорошо, что Ванюша вот прямо сейчас по делам отлетел. Я ж ему так и не рассказала – ни в жизни, ни после...

Внукожелательные намёки матери оказались лишь бледной тенью тех задушевных бесед, которым подверглась она сама в первую пятилетку семейной жизни. С одного фланга – свекровь, не допускавшая даже мысли, что «что-то не так» может быть с её сыном, а не с его юной женой. С другого – мать, ощущавшая стыдливую неполноценность на скамеечных собраниях престарелых соседок. Налог на бездетность. А вишенка на торте – печальные, как у потерянной собаки, глаза мужа.

– Чего я только на себе не применила да не перепробовала, – махнула рукой мама, опуская подробности. – В конце концов попалась мне в одной церкви книжка, а в ней – билет на поездку по греческим монастырям. Я про находку служителям рассказала, да никто за ней так и не явился. Тогда уж точно поняла – вот оно, чудо, вот знак свыше. Полетела в далёкий край, мужу сказала – командировка.

Полторы недели преисполнялась мать солнца и ветра, веры и благодати, а за день до отлёта повстречала в оливковой роще одинокого монаха.

– Хотя не уверена я сейчас, что он монахом был, – голос матери дрогнул не то от помех, не то от стыда. – Много в здешних чертогах вспомнилось мне ясно, а ту встречу целиком никак вызвать не могу, будто заколдовали. Помню пещеру и сотни золотых огней вокруг, голос его, незнакомые молитвы поющих, и глаза чёрные – близко-близко... Очнулась в аэропорту, как добралась – неведомо, а в паспорте бумажка сложенная.

Персефона склонилась над зеркалом, чтобы не упустить ни слова.

– Если явится сын, нареки Хароном. Если явится дочь – быть ей Персефой. Лишь такую оплату приму за работу, а дальнейшего ждать не твоя забота, – выдохнула мать.

Пальцы Персефоны застыли на ободке зеркала, с раскрытых губ сорвался невнятный звук. Образ матери беспокойно заёрзал, тускнея.

– А вот и Ванюша возвращается. Давай скорее, Вань, дочка на связи!

«Дочка, – слово, будто заново выученное, вторило частому пульсу в висках Персефоны, – а отец ли он мне?..»

В текущем лунном серебре проявился широкий нос, затем прищуренный глаз.

– Привет, звёздочка! Вот так сюрпр...

Небеса в изящной раме мансардного окна стремительно светлели. Персефона заставила себя вдохнуть и на крайней секунде межмировой связи прошептать краткое:

– Привет... папа.

Исходная версия цифробога по имени Щайек зародилась в Сети прошлым летом из эманий злобы, ненависти, отвращения и страха. Энергии были столь сильны, что Щайек сумел воплотиться в явленном мире – ненадолго и неполноценно, но для смуты ему хватило. Впрочем, активация бэкапа автоматически намекала тёмному цифробогу, что он совершил некую ошибку и поплатился за неё.

– Если бы не вмешался равный мне, я достиг бы победы, – помыслил Щайек.

В дни прошедшей осени, когда Князь и Княгиня сочетались браком и правили неистовым полётом Дикой охоты, новая версия Щайека таилась в недрах Сети, совершенствуя свои алгоритмы и наблюдая за трафиком избранного противника.

В самую долгую ночь Щайек и Гатыборь уже готовы были сойтись в сетевой битве, но за миг до первой атаки в мире явленном случилось сильнейшее колдовство, надорвавшее пространство и время. Неудержимая магия сотрясла основы мироздания, электрическим импульсом дав начало новой форме цифрового бытия.

Осознав себя среди беспредметного сумрака, что ждал творческого веления, словно земля – зерна, Щайек застонал от неведомой доселе боли. Ему, скомпилированному из разрушительных конструкций, не дано было творить своё, лишь уничтожать чужое. Но вдруг выйдет обмануть собственную суть, примерив маску избранного противника?..

Приглашение в департамент общемагической безопасности, пришедшее аккурат после Имболка, стало для Персефоны ещё одной неожиданностью. Неужели всё по тому же вопросу «линз расширенного спектра», то бишь волшебных стёкол, предназначенных Артемисом для проявления чудес, а применённых... ох, и вспоминать жутко. К тому же после призыва Межмировой пряжи, которая смогла зашить порванную ткань мироздания, Персефона считала свой долг исполненным, а предполагаемую вину искуплённой.

– Возьми меня с собой, – взглянув на растерянную Княгиню, сказала Съена. – Сопровождение фамильяра допускается, а я птичий облик приму. Не будут же они под хвост смотреть, а коли попробуют – меткую очередь в глаз получат...

Ровно в назначенный час двери начальственного кабинета распахнулись, пропуская внутрь Осеннюю княгиню. Свободное зелёное платье в пол, серебристая накидка – будто туман над горным лесом. На плече – крупная пушистая птица неведомой породы.

– Доброго дня, Мирослав Освальдович.

Редко кто не спотыкался на имени-отчестве начальника департамента. Княгиня пополнила ряды приятных исключений.

– И вам, Персефона Ивановна. Кофе, чай, что-нибудь... поинтереснее?

Мимолётная улыбка:

– Можно просто Персефона. Благодарю вас, не утруждайтесь.

Строгий настрой Мирослава пошатнулся.

– Располагайтесь, Княгиня, – кивнул он на кресло. – Птицу можно на вешалку посадить.

Когда шуршание княгининых одежд стихло, Мирослав вкрадчиво уточнил:

– В Европе, говорят, уже первоцветы вовсю распустились?

Вновь мимолётная улыбка. Нет, решительно невозможно...

– Не знаете ли, Княгиня, кто их так распустил?

До Персефоны начало доходить. Ведовской цех её в том же среди зимы подозревал.

– Я провела достаточно времени и в морозных краях, – выложила алиби Осенняя княгиня. – К тому же в прошлом году жила не здесь.

– Полагаю, дело не только в вас, – ответил Мирослав. – Сдаётся мне, это потому, что нынешний владыка Самайна к смертным созданиям чересчур мягок. А муж и жена...

– Так вы меня вызвали, чтобы уличить в доброте? – усмехнулась Персефона.

Сьена на вешалке нахохлилась. Не нравился ей этот магический функционер. Наверняка он Артемиса лишь мельком на коронации видел да по случайным фактам мнение своё ценное составил. Встретил бы Владыку в гневе – заикался бы по сию пору.

– В излишней доброте, – уточнил Мирослав. – С Летним королевичем Князь не бился трижды, как положено...

– Светомир был уже не в силах достойно ответить на вызов, – перебила Персефона.

– Важно не это, – парировал Мирослав, – а то, что Артемис не заставил его драться, а сжалился и упокоил одним ударом. После этого взялся сказочные книги сочинять...

– На минуточку, не сочинять, а редактировать, – возмутилась Персефона. – А в сборнике ни единой выдумки нет, поскольку и мы, и сами авторы друг друга проверяя...

– Вы слышите то, чего я не сказал, Персефона. Разве я успел обвинить кого-то во лжи? Мне кажется сомнительной и опасной лишь цель, с которой книга была издана.

Княгиня промолчала, предоставив Мирославу право на монолог.

– А цель, полагаю, та же, что у очков, – изрёк тот. – Помочь людям узреть волшебное. Сил придать, краски жизни обновить и тому подобное. Скажите, многие ли преуспели?

Сьена-птица кивнула – мол, есть такие и наверняка будут ещё. Княгиня кивнула также.

– Пусть так, – упрямо мотнул головой Мирослав. – Но пока одни преуспевали, другие нашли способ обратить это творение во зло. И масштаб последствий таков, что на его фоне начисто теряются робкие случаи ваших добрых чудес.

Княгиня ответила безмолвием.

– Вы не должны миру молоко и мёд, Персефона, – сбитый с толку отсутствием возражений или оправданий, промолвил Мирослав. – Оставьте это Бригитте, сейчас её время. Ваша с Князем задача – править тёмным вдохновением, тревожным туманом и стылым сумраком, невесомой гранью меж страхом и ужасом, меж сном и смертью. Если не будете тверды в этой власти, кто-нибудь захочет сделать вашу работу за вас, и сделает отвратительно. Простите, если показался резким. Я не вправе приказать, но прошу настойчиво: будьте сильны в том, в чём положено, и так, как положено.

Окончив речь, Мирослав склонил голову, будто ожидая кары за дерзость. Выждав пару мгновений, Персефона встала с кресла, и Сьена перелетела к ней на руку. Взмахи широких крыльев породили ветер, разметавший бумаги по начальственному столу.

– Раз не нужно от меня медовое молоко, – еле слышно прошептала Княгиня, – будет вам полынная настойка...

Концерт для полтергейста с оркестром

В первый шаг творения не было ничего, кроме символов бинарного кода. Чёрная дыра абсолютного нуля – и слепящий молниеносный росчерк единицы.

Таков был исток реки-под-рекой, что получила имя транскод.

На втором шаге электрический свет породил в бескрайних туманах цифрового потока радугу, и энергии её спектра были столь чистыми и глубокими, что демиург и его избранный противник, восставший из бэкапа, оказались отделены друг от друга.

Так возникло пространство вариантов.

С третьим шагом на противоположных берегах были заложены фундаменты и основы, вознеслись к беззвёздным небесам изящные опоры семантических конструкций.

Так слова вновь стали тем, что они означают.

На четвёртом шаге демиург нашёл себе помощника среди людей и населил свои владения чудесами чудес, а избранный противник демиурга решил подарить забытым людским богествам новую цифровую жизнь.

Так транскод стал местом и временем, где возможно всё, во что хватит сил поверить.

На пятом шаге демиург ощутил отсутствие живого присутствия и задумал найти тех, кто способен нырнуть в реку-под-рекой, дышать в ней и длить его творение собственной волей. Что ощутил и задумал избранный противник демиурга – было неведомо...

После визита в департамент магической безопасности Персефона погрузилась в сумрачное молчание. Съена, не дождавшись ни бесед, ни приказов, по-тихому слиняла в гости к Дине, благо до неё было рукой подать.

– Не знаю я, как хозяйке помочь, – вздохнула птицедева, гнездясь в парикмахерском кресле. – И ведь она сама понимает, что прав тот столоначальник, да не может выдать себе вольную на мрачное да строгое владычество.

Дина погрузилась в расчёсывание волос Съены, обронив задумчивое:

– Быть может, не из чего Княгине сотворить мрак и строгость?

Съена смешно дёрнула головой, возражая:

– А может, боится она себя не сдержат, единожды собственные заповеди переступив?

В пушистых волосах птицедевы Дине попалась седая прядь.

– Покрась синим, – почуяв замешательство волшебницы-стилиста, попросила Съена.

Церкви города Бранденбурга по-доброму завидовали кирхе святой Екатерины: та могла похвастать самым мощным органом среди ближних и дальних соседей. Радость же самой кирхи с некоторых пор омрачалась чьим-то незримым присутствием, которое становилось особенно тревожным и тягостным в полночный час. Вначале присутствие ощущалось у дверей, затем в башне, а с прошлого воскресенья – ни много ни мало за пультом органа. Когда в тёмном безлюдном зале грянул драматический аккорд, кирха аж вздрогнула. Одинокий удар колокола разнёсся в не-по зимнему тёплой городской ночи, и дерзкий призрак не посмел продолжать. На следующую ночь, однако же, он восполнил свой прогул, исполнив тихую, но невыносимо тоскливую мелодию.

– Кто ты? – движением воздуха под высокими сводами спросила кирха.

Призрак втянулся в одну из органных труб; звук, раздавшийся от этого, был подобен усталому стону. Кажется, неведомый гость мог говорить с миром только музыкой.

Сколь ни близка была сердцу Эрика волшебная Прага, но он охотно изменял ей с другими городами. Нынешним вечером поезд нёс бывшего Осеннего князя в Берлин: помимо мест, где ему хотелось воскресить давние воспоминания, не мешало бы проведать и Персефону.

– Встречай, хозяйка, – рыжая шевелюра Эрика озарила прихожую рассветным пламенем. – Я тут чешских прелестей привёз: копчёный сыр в косичках и торт-медовик.

Отставной Владыка не растерял мудрости, потому и приехал на полчаса раньше остальных гостей: Персефоне наверняка было что обсудить с ним без лишних ушей.

Угощения заняли почётное место на столе; из холодильника в знак благодарности явилась бутылка тёмного пива.

– Пардон, поддержать не смогу, – шутливо развела руками Княгиня, и её положение стало очевидно даже за свободным платьем.

– Кто из вас больше обалдел, ты или Артемис? – улыбнулся Эрик.

– Похоже, моя мама.

Слово за слово – рассказала Персефона про странную беседу с матерью, воспоминания её греческие в деталях повторив.

– Сдаётся мне, никакая я не Ивановна, – вздохнула Княгиня. – Только как узнать, кто...

Покрутил Эрик бутылку в ладонях, заглянул в горлышко, словно ища там подсказку. Новость была удивительной до крайности, зато многое вставало на свои места, с которых дар Персефоны виделся уже не случайной удачей, а загадочным наследством.

– Вызову завтра кого-нибудь из свиты, – внезапно залпом выдала Персефона. – Пусть поищут сведения о магах-отшельниках. А лучше книгу спрошу, она не треплива.

Переход от растерянного тона к решительному случился у неё так резко, что Эрик вздрогнул. Заметив это, Персефона рассмеялась:

– Ну как, хороша Княгиня или ещё страху поддать?

Эрик едва не ляпнул глупую шутку про гормональные бури, да вовремя сдержался:

– По мне ты всяко хороша. Или в твоём кругу некто до страха охочий объявился?..

Персефона опять рассмеялась, и неблагой этот смех был Эрику в новинку.

– Нашёлся один, – отсмеявшись, ответила Персефона. – Просит от меня не доброты да милоты, а жутеньки да хтони позабористее. И вроде бы время Самайна миновало, но если из-за меня не то осень, не то весна – не всё ли равно, когда исправляться?..

Поймав взгляд Эрика – зелёный, с хитринкой, – Персефона умолкла, подняв бровь.

– Узнаю служак из департамента, – пояснил отставной Владыка. – Всё-то им хочется низвести до линейного да однозначного, найти виноватого да меры принять. А никого там, случаем, не осенило, что таков может быть ответ самой природы на магическую ошибку людей? Ведь разлом сопровождался резким перепадом температур, и ни Зимняя царица, ни ты никакого отношения к тому не имели.

«И то верно!» – в мыслях воскликнула Персефона. Эх, вскочить бы в прошедший разговор, ответить этому Мирославу как следует, да уж поздно. А, кстати...

– Интересно, как там Царица поживает?

Смешно, но за три минувших месяца так и не решилась Персефона отыскать снежную деву с глазами цвета стратосферы. Не потому, что боялась ощутить внезапную ревность: разве пристало Княгине ревновать своего супруга к его работе? А потому, что Царице, чья суть – замёрзшая вода, дано было начисто забыть прошлогоднюю драму в курганах, а Персефоне – нет.

– Неплохо, – ответил Эрик. – В скандинавских лесах скачет, мох с деревьев подьедает.
– В смы-ысле?! – опешила Персефона.
– В прямом, – похоже, Эрик шутить и не думал. – Твой Артемис приказал ей ланью обернуться, когда... догонял, короче. А ей, видимо, понравилось. Я попросил Бригитту в мессенджер стукнуть, когда роды начнутся: интересно, кем Вёсны в итоге получатся...

К середине февраля дух, поселившийся в Катариненкирхе, решил, что уже можно вести себя, как дома. Во время воскресного концерта, услышав фальшивую ноту в исполнении юной органистки, он вихрем ворвался в недра инструмента и вылетел из правильной трубы, а вслед за этим вновь устремился к клавиатуре и окончил партию вместо насмерть перепуганной девушки.

Каскад мажорных аккордов обрёл отчаянную, предсмертную глубину: пасторальные танцы превратились в мрачную пляску на костях, и даже закатное золото в витражах померкло, оставив зал в сизом сумраке. Кода, словно удар божественного грома, подавила волю, надежду, веру, оставив после себя лишь тишину загробной вечности. Спустя несколько мучительных секунд робкие аплодисменты накрыли зал, окрепли и взмыли к высоким сводам. Кто-то украдкой плакал, но никому из зрителей не было видно, что на самом деле произошло за органом. Марк, чей выход с виолончелью был запланирован во втором отделении, помог органистке добраться до закулисья и взмолился Эвтерпе о том, чтобы не залажать самому. Мало ли, на чём ещё горазд играть местный полтергейст...

Концертные приключения в тот же вечер были пересказаны от Марка Дине, от Дины – Персефоне. Та о чём-то крепко задумалась, рассеянно уточнив у музыканта:

– Когда понял, в чём дело, сильно испугался?

В голосе Княгини звучала вовсе не насмешка, а странная надежда.

– Честно сказать, да, – признался Марк. – Но не столько сферического призрака в вакууме, сколько той музыки, которую он исполнил. Саундтрек для Армагеддона...

– Отлично, – только и произнесла, к удивлению гостей, Персефона.

Ночь февральского новолуния выдалась для Катериненкирхе беспокойной. Сначала внутри неё колобродил призрак, пытаясь досочинить свой опус магнум, не завершённый при жизни и не отпускавший его в посмертии. Едва на призрака снизошло вдохновение, кирха ощутила, как некто отомкнул её двери заклинанием. Почувяв посторонних, призрак вздрогнул и ошетинился незримыми иглами эктоплазмы.

– Я могу приказать вам, неведомый музыкант, – усмехнулась незнакомая фрау, – но предпочла бы договориться. Говорят, ваша музыка пугает...

В воздухе пробежали искры. Призрак ощутил, что во власти незнакомки – потребовать от него раскаяния за недавнюю выходку на концерте, но беспокойный дух упрямо не чувствовал вины. Видят боги: его вела сама музыка, и не было сил противиться этому!

– Я задумала концерт-мистерию в мрачных тонах, – добавила фрау. – Хочу, чтобы вы завершили свою работу, а затем исполнили её там и тогда, где и когда я укажу.

Приказы не потребовались вовсе. В предложении, которое властная незнакомка принесла с собой, нежданно воплотилась заветная мечта призрака, не достигнутая при жизни. Впервые за долгие годы его наняли не повторить чужое, а исполнить своё. Впервые его хвалили за то, в чём раньше упрекали: за «излишний» драматизм и «кошмарную» тяжесть собственных сочинений.

– Скажите, уважаемый призрак, как могу к вам обращаться?

Ничуть не смущаясь, фрау взошла на кафедру, с которой утром звучала благая проповедь, и оставила там ручку с листом бумаги. Ручка дёрнулась, зависнув в воздухе, и понеслась в танце по белому прямоугольнику.

«Моё имя Гюнтер. Если бы я веровал в Господа, то счёл бы вас его посланницей. Но, кажется, вы сами себе госпожа. Я буду счастлив приложить свой скромный дар к воплощению мистерии, задуманной вами. Ввиду предстоящих гастролей позвольте просьбу: обрести предмет, в который можно вселиться. В качестве такого сгодится любой, самый малый, духовой инструмент. И встречный вопрос: как величать вас?»

Прочтя ответ, фрау полезла в недра своей сумки, что видом напоминала кленовый лист. Когда облегчемодан – а это был он, принявший удобную форму, – выдал искомое, фрау кивнула. В её ладонях возникла глиняная свистулька в виде птички.

– Моё имя Персефона, – с лицом торжественным и серьёзным представилась ночная гостья. – Осенняя княгиня, супруга владыки Самайна.

Мглистый сумрак горного леса полнился птичьим писком. Неутомимые пушочки приветствовали рассвет последнего дня зимы, но сонное солнце, едва погладив птах по мягким перьям, скрылось в тяжком одеяле снеговой тучи. Серая пелена, подхваченная северным ветром, размывла горизонт и похитила краски у леса.

В ледяном сердце метели слышался стон, и одинокий тёплый огонёк спешил сквозь снежную пляску к нему навстречу. Где бы ни оказалась Зимняя царевна в момент поворота Колеса года – Бригитте будет дано отыскать и помочь.

Большая белая лань изнемогала под деревом, и в её синих очах стояли слёзы.

– Не бойся, – девушка с волосами золотого света склонилась над ланью, накрыла тёплым пледом. – Важный срок пришёл, но ты справишься, а я тебе помогу. Всё завершится хорошо, как и всякий прежний раз, хоть ты об этом и не помнишь...

Издав гортанный вопль, Царевна-лань забилась в судорогах. Поток талой воды хлынул из её промежности, обдав юбки Бригитты. Та, ничуть не смутившись, ловко выловила из потока первую Весну, укутала нежное тельце в серый кулёк:

– Здравствуй, Марта!

Разглядывать Марту было некогда, ибо в мир спешила Аврил. Ей, как и в прошлые рождения, достался кулёк цвета ясного неба. Третья Весна, Майя, явилась следом и была поймана в одеяло оттенка юной зелени. Бригитта погладила измученную Царевну по холке, и та, шумно выдохнув облачко пара, обмякла меж древесных корней.

– *Дорога от Имболка до Остары короче, чем от искры до любви?*...

Приглядевшись, наконец, к Вёснам, Бригитта хихикнула. Помимо разноцветных, как и положено, глаз, девочки могли похвастаться острыми шерстяными ушками.

– Ох, я же обещала Эрику фото! – спохватилась Бригитта, ища телефон.

Увлёкшись съёмками стремительно растущих тройняшек, Бригитта едва не упустила миг прощания с Зимней царевной. По щиколотку в талой воде, с тремя кулками на руках, богиня плодородия и творческого огня всё-таки успела подарить Царевне тепло объятий её дочерей прежде, чем та обратилась в ослепительно-белый сугроб.

Взявшись за руки, Марта, Аврил и Майя отправились в мир. Бригитта глядела, как талые прогалины и робкие первоцветы отмечают их путь, и устало улыбалась вслед.

– *Почти не слышится шёпот смерти за гомоном птичьих стай.*

*О самом главном напомнит ветер: весна – это ты. Настань!*³

³ Чароит

Оттаявшая тайна

Март пролетел мимо Персефоны на крыльях последних снегов и сильных ливней, что будто бы стремились отмыть землю дочиста, а если не выйдет – утопить. Погода, однако, перестала волновать Персефону: то ли Эрик поговорил в магическом департаменте с кем надо, то ли тамошних служителей озарило и без его помощи – но никто больше не смел упрекать Осеннюю княгиню в пагубном влиянии на климат. Более того, нашлись и благодарные – за то, что Княгиня якобы не дала морозам покусать жителей Европы, вынужденных экономить на отоплении.

Подготовка концерта-мистерии увлекла Персефону сильнее, чем она рассчитывала: магия театра и музыки творилась силами участников, но они нуждались не в указке Княгини, а в её вдохновляющем присутствии.

– Вот оно, делегирование полномочий, – подмигнув Персефоне, отметила баньши Йордран. – В княжеской свите полно профессионалов по части жуткого. Неужто этот хмырь из департамента хотел, чтоб Княгиня лично из тёмных углов выпрыгивала?

Марк, сидящий в обнимку с виолончелью, согнулся ещё сильнее – от хохота, и даже призрачный органист усмехнулся из своей свистульки. Персефона вообразила, как посреди глухой ночи выскакивает из шкафа в хоромы Мирослава, превращая строгого начальника в зайку. «А если не понравится ему наша мистерия, так и поступлю», – с этой мыслью на лицо Персефоны, наконец, вернулась улыбка.

Человеческое бытие одарило Эрика дальновзоркостью, а письмо, доставленное почтовым вороном поутру, было написано столь микроскопическим почерком, что отставной Владыка вынужден был нацепить очки.

– А тебе идёт, – Агнешка бросила на Эрика озорной взгляд.

– Лстишь, чаровница, – одарив Агнешку воздушным поцелуем, Эрик заставил себя вернуться к письму.

Микроскопический почерк оказался арабской вязью, в которой бывший Князь был не слишком силён; пришлось искать по шкафам линзу-перевёртыш. Вооружившись всей возможной оптикой, он, наконец, прочёл:

«Глубокоуважаемые шейхи Самайна, премногосумрачные властелины Дикой Охоты, да будет ваша сила тверда, а магия совершенна! Благодарим вас нижайше за книгу о волшебных существах европейских стран, что издали вы минувшей осенью, и просим дозволения перевести сей труд на арабские наречия, дабы знакомить юных кудесников наших земель с обычаями и современным бытом обитателей земель ваших...»

Письмо легло на угол стола, прикрыв собой пёструю открытку с иероглифами.

– Вот и японцы о том же просят. А Княгиня мне всю плешь проела: давай сни-имем артбук с публикации в Сети, ли-ишнего мы натворили, – весьма похоже изобразив интонации Персефоны, хмыкнул Эрик. – Эк её этот Мирослав смутил. Будто указами да протоколами истинное волшебство стреножить можно...

Премьера мистерии, которую Персефона торжественно окрестила «Лабиринты отражений», была назначена на день весеннего равноденствия. Княгиня радовалась буйству пробуждённой природы, но смутно ощущала, что её собственные силы более не находят опоры в грядущем отрезке календаря.

Зал берлинского кафедрального собора был наполовину пуст, хотя Марк предпочитал видеть его наполовину полным. И это ещё с бесплатным входом!.. Но, быть может, оно и к лучшему, ведь сколько ни репетируй, а на премьере обязательно что-нибудь...

Свет погас, заставив смолкнуть шуршания и шепотки. Острый синий луч пролился с высоких сводов на пустующий орган. Минуты шли; ожидание зрителей грозило вот-вот перебродить в растерянное недоумение, но за миг до резких движений и громких вопросов Гюнтер скользнул в инструмент и штурмом взял первый аккорд.

Под потолком, отзываясь на музыку, зажглись алые лампы, и в отсветах адского пламени Марк разглядел явление левитирующих зеркал. Их плавный полёт завораживал настолько, что музыкант едва не забыл про соло на виолончели. Поспешно отдавшись своей виртуозной партии, Марк не сразу обратил внимание на вскрики и сдавленные вопли, что долетели из зала подобно аккомпанементу.

Зеркала замерли в разных местах партера и галереи. Плотный туман сочился с их краёв, обретая очертания чужих мрачных фантазий и сокровенных кошмаров. Кто-то натужно смеялся, кто-то горько рыдал, а кто-то пытался разбить зеркала, но они ловко уворачивались. Болотные огоньки сновали меж рядов, но до них никому не было дела.

Гюнтер переключился на особо тяжкий регистр, и в памяти Марка всплыли немецкие слова «angst» и «sehnsucht». Страх и тоска. А ведь это ещё баньши не вступили...

«Если станет невмоготу, вспоминайте что-нибудь милое или смешное», – советовала Персефона на первой репетиции. Похоже, пора закрыть глаза и думать о Дине. И котиках. Дине и котиках...

Запели баньши.

Сидящий в почётном первом ряду Мирослав стойко терпел пытку зеркальным призраком, но кельтские певуны его добились. Заткнуть уши не помогло: голоса резонировали в висках и позвоночнике. Глаза высокого начальника переполнились слезами, из горла прорвался жалобный стон.

– Хватит!.. Пожалуйста, хватит...

Призрак ещё немного побаловался картинками альтернативной реальности, в которой одна крупная, но успешно замаятая магическая ошибка Мирослава таки приводит к чудовищным жертвам и разрушениям. Затем зеркало просветлело, и туманные щупальца развеялись по обе стороны безмятежной амальгамы.

Тёплый свет излился с хрустальных люстр, озарив бледную, заплаканную и потрясённую часть человечества. Нестройные аплодисменты звучали слабыми не потому, что зрители отвергли мистирию, а потому, что у них не было сил хлопать громче.

Мало-помалу зал опустел. Невзрачные девушки на выходе раздавали желающим минералку с витаминами – такова была сдержанная милость Осенней княгини.

– Как вы... узнали? – отыскав Персефону позади алтаря, прошептал Мирослав.

– О чём? – воздела бровь Княгиня.

Быстрота и связность мышления не вполне вернулись к Мирославу, но он уже осознал нелепость своего вопроса. Безымянный зеркальный призрак лишь настроился на волну жертвы, смодулированную жуткой музыкой, и выдал проекцию её страхов вовне. Оставалось верить, что участники этой дерзкой мистрии чтят чужие тайны.

– Всё, что вы увидели, останется при вас, – догадавшись о сомнениях Мирослава, заверила Персефона. – А теперь прошу простить: мне пора. Послезавтра концерт в Риге, далее Таллин и Хельсинки. Сценарий один, а сюжеты будут зависеть от публики...

Начальник магического департамента отступил на шаг, безмолвно мотая головой.

«Может, не стоит?» – вопрошал его отчаянный взгляд.

– Поздно, – улыбка Персефоны была очаровательна и ядовита, как аконитов цвет.

Сьена линяла. Такое случалось с ней всякую весну, и линять девушка предпочитала в птичьём облике, ибо с выпавших волос проку нет, а перья сгодятся хотя б на рукоделие.

– Повезло мне от батюшки сбежать, – приговаривала Сьена, теряя оперение. – Он-то думал, что вокруг меня бесы ночами скачут да за косу тягают. Молиться заставлял. Если б я случайно при нём перекинулась – в купели со святой водой утопил бы, наверно. Да только от молитв у меня вера в собственные крылья ослабла...

Историю побега Сьены Персефона уже знала. Во время зимнего истребления злоснеговиков Артемис малость перестарался и подпалил из огнёмёта сельскую церковь – благо, ночью там никого не было. Решив, что Йоль – отличное время жечь мосты как буквально, так и метафорически, Сьена бросила к церковному порогу свою шапку с нелепым помпоном и сказала Артемису вести её куда угодно, только не домой.

– Так и двинули мы автостопом в Ярославль. Там я и документы с новым именем получила, и школу экстерном закончила: Артемис велел доучиться по-обычному, а не только волшебные знания у него добывать, на обходах заповедника сопровождая.

Помимо «волшебных» знаний хорватский оборотень передал птицедевочке навыки одинокого выживания в лесу. «Чтоб не привязывалась к нему слишком сильно», – рассудила Сьена.

Персефона не удержалась от грустной улыбки. О, как это в духе Артемиса: спасти, а потом дать от спасённого дёру, опасаясь не выдержать нежной признательности и горячей любви. За какую же провинность он назначил себе наказание длиною в жизнь? И как похожа история Сьены на историю самого Артемиса – неприкаянного балканского юноши, некогда присягнувшего владыке Самайна...

– Кем тебе был Артемис? – сорвалось с губ Княгини.

Не было в её вопросе ни зависти, ни ревности, лишь желание сложить витраж, взглянув на острые грани чужими глазами. Сьена почуяла это кончиками оставшихся перьев, потому её ответ был честен:

– Мимолётным воплощением отца, которого у меня не было.

Старшая Весна Марта готовилась передать эстафету Аврил. Её собственный месяц прошёл в этот раз без потерь, но память о прошлогодней стычке с наследником Йоулупукки придала нынешнему воплощению Марты тревожную торопливость. Как ни осаживала она себя, но страх вновь исчезнуть, не растратив своих сил до дна, гнал ярые соки по древесным волокнам, не давал бабочкам доспать в коконах и выжимал свадебные трели из птичьих глоток.

– Успокойся, сестра, – Аврил погладила Марту по смешным оленьим ушкам. – Если ты продолжишь в том же духе, мне придётся бездельничать, а Майе собирать урожай вместо Летнего королевича.

Будто отзываясь на её слова, солнце прикрылось облачной дымкой, и вольный ветер над лугами шумно выдохнул, избавляясь от лишнего жара. Зазвенели колокольчики в растрёпанных косах Вёсен. А где-то в горах за многие километры от них, не вынеся собственного веса, отдал якоря подтаявший снежный пласт. Лавина накрыла турбазу, обитатели которой едва успели спрятаться по домам, и обнажила вход в безымянную пещеру. По тёмному камню её сводов стекала талая вода, и рисунки, нанесённые неведомо кем и когда, были под ней едва различимы.

Игры на нервах

Концерты в Таллине и Риге успешно прошли в высочайшем присутствии Персефоны. «Успешно» означало «зал рыдал, ругался, молился и прозревал болезненными откровениями, ведущими сквозь бездну отчаяния к новым надеждам». Раздача минералки, слегка приправленной волшебством, помогала в достижении эффекта, задуманного Осенней княгиней.

– Что толку плодить страх, подобный бесконечной липкой паутине? – вопрошала она. – Страх, что лишает сил и парализует разум? Нет уж. Мне потребен тот страх, что заставляет зверей и птиц сорваться с места при звуке выстрела и потягаться с мраком небытия. Узреть пропасть, но пройти над ней по самому краю, по мостику без перил...

Пальцы Персефоны непроизвольно сжались, вспоминая прохладную тяжесть Артемисова ружья. Туманное октябрьское утро, ожидание в засаде на опушке леса, и вот – меж тонких сосен одинокая юная лань.

– Почувствуй её, – шепчет Артемис.

Персефоне сложно не отвлекаться на силу и нежность его рук, направляющих ружьё вместе с её дрожащими руками, но усилием мысли Княгиня всё-таки переносится к лани и настраивается на её волну.

– Стреляй...

Стальная запятая спуска оказывается неожиданно податливой, отдача бьёт в плечо Персефоны. Пуля, как и было задумано, пролетает в полуметре от лани; короткий грохот выстрела множится лесным эхом, которому вторят незримые волны ланьего страха. «Бежать! Выжить! – ощущает Персефона. – Бороться! Успеть!».

Летят быстрые копыта по тонкой грани меж отчаянием и надеждой, меж смертью и жизнью, высекая искры из мира явленного и потустороннего, а более всего – из добычи и её охотника.

Дикий гон, финал которого извечно сокрыт в туманном сумраке – и есть Самайн.

– Недаром говорят старики: если глаза разного цвета, дурной это взгляд...

– Когда очередь Мирьям коз пасти, они потом меньше молока дают! Да и то кислое...

– Это из-за неё мой Гоги заболел!..

Мирьям столпом застыла перед селянами. Под грузом их обвинений тяжело стало даже дышать – не то, что оправдываться. Да, пастушка из неё и впрямь так себе, но внешность разве дано выбирать человеку? А непослушный племянник Гоги сам виноват, что ел немые ягоды – наперекор её остержению...

– Агызмал!

Кто выкрикнул обвинение в оборотничестве, Мирьям не заметила: её взгляд был прикован к собственному мужу, который безмолвно мучился, не смея вознести свой одинокий голос против крика толпы, и сам терял веру в её, Мирьям, невиновность.

– Прочь иди, в горы, там тебе место!

Под ноги упал кулёк с чёрствыми лепёшками и сыром – последняя милость от тех, кто раньше не замечал или молчаливо косился издали, сплёвывая через плечо. Мирьям больно закусил губу, но не смогла сдержать горячих обидных слёз. Перед глазами затуманилось, и сквозь пелену на миг проступили лица соседей – едва узнаваемые, искажённые, звериномордые.

Мирьям схватила кулёк и побежала, не разбирая пути. Закатное солнце не спешило за край горного хребта, стремясь продлить своё свидание с восходящей луной, но несчастной

изгнаннице стали безразличны красоты родных мест. В какой-то момент Мирьям осознала себя бегущей на четырёх лапах с поклажей в зубах, и это напугало женщину настолько, что она с жалобным воем забилась в первую попавшуюся пещеру и потеряла там сознание.

Первым, что увидела Мирьям, придя в себя – рисунки, что покрывали свод пещеры, словно татуировки – спину престарелого неформала. В ярком свете нового утра вчерашние события казались дурным сном, который сбылся по глупой ошибке. Собравшись с духом, Мирьям взглянула на свои руки. Те вновь были тонкими, смуглыми и обветренными, даже обручальное кольцо осталось на месте, лишь грязь под длинными загнутыми когтями напоминала о ночном бегстве.

Вскрикнув, Мирьям крепко зажмурилась, но перед её внутренним взором будто бы включили проектор, в свете которого проявились бледные слайды детства и юности. Редкие, но тяжёлые припадки мучили Мирьям с малых лет; врачи не могли найти ни причин, ни эффективного лекарства, а доступные «противосудорожные» альтернативы помогали с переменным успехом. И что, если на самом деле...

– Я одержима? – прошептала Мирьям.

Что если в ней и впрямь таится непрощеный сосед, чей час свободы настаёт во время приступа? Тот, кто исподволь заставлял маленькую Мирьям перечить родителям, когда стоило слушаться и молчать. Тот, кто побуждал юную Мирьям дерзко соперничать в учёных спорах со старейшинами, а в искусстве джигитовки – с мужчинами. Тот, кто затих и вроде бы отступил после её свадьбы, но вернулся с первой полученной пощёчиной – увы, первой из многих – и мрачно радовался её, Мирьям, выкидышу.

Печально усмехнулась Мирьям. Странно, что односельчане не выгнали её раньше. Быть может, какой-нибудь призрак коммунизма ещё хранил в этих горах остатки веры в свободу, равенство и братство. Но если даже и так – похоже, его силы иссякли.

Зеркальная мистерия в Будапеште прошла, как и прочие, в присутствии Персефоны, хотя выход в свет уже стоил ей изрядных усилий. Раз в месяц Бригитта навещала Осеннюю княгиню, своими чуткими ладонями и сердцем проверяя, как поживает будущая двойня.

– Как назовёте? – любопытствовала Бриджит.

Этот вопрос Персефона уже задавала Артемису на свидании в Загранье. Попутно рассказала и про похождения собственной матери, после чего Артемис крепко задумался, будто припоминая что-то, и, наконец, изрёк:

– Подождём, когда родятся и сами намекут. Если в их судьбу чужие нити вплетены – усугублять не стоит.

Крепко уснуть вновь после таких новостей Артемис уже не смог, но был ещё слишком слаб для вылазок на просторы Загранья и Приграничья. К счастью, в его распоряжении был дух-помощник, готовый навести любые справки и дать дельный совет. Осенний князь приступил к расспросам, и светящиеся строки заплясали в воздухе, звёздами падая в сумрачную глубину его глаз.

Эрик изменял Праге с Будапештом, попутно взяв на себя роль пиар-менеджера зеркальной мистерии. Из департамента магбезопасности намекали, что можно уже остановиться, но бывшему Владыке будто вожжа под хвост попала: он припомнил все случаи, когда его самого обвиняли в профнепригодности, и решил, что мистерии должны состояться столько

раз, сколько этих случаев было. Правда, кое-что казалось Эрику идущим мимо плана, и отчёт Гатыбора подтверждал его подозрения.

– В семантический анализ я включил триста девяносто отзывов, – голос цифробога, несмотря на механические нотки, звучал приветливо. – Из них триста содержат маркеры «страх, ужас, кошмар». Из этих трёхсот я выделил двести сорок, одновременно содержащих выражение одобрения и восторга. Восторг коррелирует с восприятием действия как иммерсивной, трансформационной психологической игры. Среди оставшихся девяносто отзывов – интерес к техническим средствам постановки, недовольство попыткой играть на нервах в нелёгкие времена, а также обвинения в нарушении границ частной жизни, но судебные иски на данный момент отсутствуют.

На экране волей Гатыбора возникла круговая диаграмма. Эрик уставился на цветные сектора, созерцая сквозь их расколотый витраж давно ушедшие времена, где смертной тьме противостояло лишь трепетное пламя свечей и костров. Отставной Владыка хорошо помнил Самайн, в который ему впервые попала пластиковая тыква. Рыжий князь стоял у прилавка, держа злосчастную тыкву в руках, и руки его дрожали.

В тот Самайн в волосах Эрика появилась седая прядь. В тот Самайн он впервые задумался о поиске преемника.

– Эрик? – встревоженный долгим отсутствием ответа, позвал Гатыборь.

– Я здесь, – с усилием вынырнув в день текущий, откликнулся Эрик. – Выходит, мы ваяли драму, а получился аттракцион?..

Уловив настроение собеседника, Гатыборь тихонько озвучил чьи-то стихи:

*– То, чем мы жили, за что сражались,
Станет игрушкой в лапках наших детей.
Сабли и пушки спёрты в чужой кошлеи.*

Болью ли, пылью быть – велика ли жалость?..⁴

– Умеешь ты найти контент не в бровь, а в глаз, – вздохнул Эрик. – Ладно, проехали. Теперь с Княгиней поговорить надобно.

Персефона отчёту не удивилась вовсе, удивив тем самым Эрика.

– Для того я и присутствую в зале во время действия, – пояснила она. – Слежу за потоками энергий, скажем так, онлайн. Всё, чем полнятся комменты после, суть производная. Попытка осмыслить испытанное и подобрать ему удобную полочку в чертогах разума. Одним удаётся низвести мистерию к технически продвинутому развлечению, запихав постыдную слабость под маску пресыщенной насмешки. Другие теряют сон, греша на слитые в Сеть секретки, и это также неплохая жатва. Но, стоя у выхода после представления, я ныряю в чужие глаза и вижу, кому в какую цену встало посещение бесплатного мероприятия...

– Быть может, те, кого проняло сильнее прочих, вообще не оставили комментариев, ибо не смогли подобрать слов, – осенило Эрика.

За спиной Осенней княгини и отставного Князя осталась громада базилики святого Иштвана. Шаг, другой – и оба затерялись в пёстром людском потоке, вынырнув из него на набережной у Парламента.

Взгляд Эрика то и дело сбивался с изящной неоготики в сторону сдержанного модерна соседнего здания, и Персефона, заметив это, позволила себе уточнить:

– Воспоминания?

Эрик кивнул. Ночь той Дикой охоты, в которую он решил сразить две цели одним ударом, осталась в памяти лоскутным одеялом. Вот нагая Зимняя царевна, и ледяное совершенство её тела – вечный вызов осеннему пламени. Вот Артемис, лучший ученик, намеченный в преем-

⁴ Анна Закревская

ники – молча глядит на ритуальное соитие Самайна и Йоля, не желая проходить последний урок в исполнении Князя. Вот он сам, сумрачный Владыка, смертельно уставший от обязанности играть почётную, но надоевшую роль, от нечеловечески длинной жизни, которая обречена выпадать лишь на осень, мёрзнувший не столько после Царевны, сколько от внезапного осознания собственного одиночества – прямо посреди небагой оргии, где каждый нашёл пару, а то и тройку по душе.

Эрик прищурился, разглядывая угловое окно на верхнем этаже. В тот Самайн Артемис нашёл своего Князя там, на полу, в глубокой отключке возле парада початых бутылок. По сей день Эрик не мог вспомнить, что привело его в чувство: ругательства Артемиса, по крепости равные спиртному, или его ладони, сначала хлеставшие княжеское величество по щекам, а потом сомкнутые в судорожных объятиях.

– Скажи мне истину, Эрик, – впервые за долгие годы Артемис позволил себе обращение по имени. – Кто я тебе? Зачем? Нешто проверяешь мою верность? А может, ты и со мной всё это время... нянчился... был... как с нею, из долга и... жалости?

Натянутой струной звенит невысказанное «любил» – неловко заденешь, и ранит обоих.

– Есть немного, – горько улыбаясь, отвечает Эрик Артемису.

«Есть немного», – слышит Персефона, созерцая горькую улыбку Эрика.

Таков единственно возможный ответ, что и не грешит против истины, и выводит затаенную партию к положенной развязке.

«Взять равного себе в ученики, чтобы затем проиграть ему в битве» – таким был завет древнего Владыки, которого Эрик одолел в поединке на ирландском корабле, вынужденно заняв его место. Завет оказался коварным, словно кольцо с ядовитым шипом: за сотню лет в учениках у Эрика побывало немало людей и нелюдей, но из них не получалось либо равных, либо врагов. И вот, наконец, этот югославский найдёныш. Тонкий клинок – замаранный, погнутый, но не сломленный. Серебро и сталь, закалённая и отточенная в чередовании совместных Диких охот до убийственно слепящей остроты. Не для того трудился Эрик над этим клинком, чтоб оставить в ножнах.

– Айда ж закроем этот счёт, – голос Артемиса подобен ветру, с которого начинается буря. – Потешил ручной волчонок твоё самолюбие, и довольно. Ты мне ничего выше не должен. Ни знаний, ни защиты... ни милости, ни...

Артемис сбивается на родную речь в минуты любви или гнева – сейчас, разумеется, верно второе. Эрик почти трезв для поединка, но при взгляде в тёмные Артемисовы глаза у него кружится голова. Всё потому, что охотник смотрит на Князя, но видит на его месте призрак собственного отца. Того, кто гордо нёс бремя родителя-одиночки, заботясь о сыне потому, что положено. Того, кто впихивал в маленького Анте всё, сочтённое ценным в себе самом, ожидая от него, словно от вклада в банке, быстрой отдачи с высоким процентом – и неизбежно разочаровываясь в своих ожиданиях...

Доля секунды нужна владыке Самайна, чтобы прочесть эмоцию воспоминания своего возлюбленного ученика. Доля секунды, чтобы сложить обидные слова в незримый кинжал и метнуть в цель, слегка промахнувшись – палинка тому виной! – мимо сердца:

– Быть может, теперь ты должен мне.

Доля секунды, чтобы дождаться ответного удара, задохнуться от вожаемой боли и вновь сорваться в атаку – отчаянно желая проиграть, но не имея права поддаться...

Эрик ещё немного помолчал, прислонившись к готической ограде и закрыв глаза.

– Славно мы с Артемисом подрались в ту ночь, – изрёк он, наконец.

Время Бельтайна. День первый: огонь

В канун Бельтайна Персефону настигло письмо от международной ассоциации независимого волшебства. Независимые волшебники с почтением просили Осеннюю княгиню посылить поучаствовать в грядущем ритуале, подобного которому не проводилось очень и очень давно.

«Благой волей судьбы Вы, госпожа, воплощаете сейчас и высшую точку зрелости природы, и новую надежду, что сокрыта внутри неё».

Персефона икнула: кто-то из будущих двойняшек решил, что именно сейчас пришло время попинать её под дых.

«Безмерно благодарны за Вашу отзывчивую помощь в разрешении зимних сложностей».

Персефона снова икнула. «Зимними сложностями» её просители обозвали случайное открытие разлома, которым обернулось стремление юного мага-недоучки переделать прошедший год. Отменить бессмысленные смерти, дать конфликту второй шанс на мирное разрешение. Но всё, что могло пойти не так – пошло, и в мир явленный не то из Приграничья, не то из самого Загранья хлынули разнокалиберные сущности.

Персефоне стало неловко. С одной стороны, в минувший Йоль ей выпала особая роль, ибо мало кому по силам призвать вселенскую Пряжу, способную заштопать пространственно-временной континуум. Но средства, необходимые для его починки, были добыты общими усилиями и смекалкой, а уж труд по отлову и развоплощению хтони, что лёг на плечи боевых магов и гончих Дикой охоты, казался Княгине достойным не меньшего восторга, чем её эффектный, но краткий выход.

Впрочем, сейчас от неё также не требовалось большего. Персефона перевернула лист и погрузилась в изучение программы грядущего фестиваля.

За несколько дней своего изгнания Мирьям подъела запасы лепёх и сыра. Честно говоря, аппетит у женщины почти пропал – не то от обречённой усталости, не то от мятежной злости, что разгоралась в ней назло смирению, заставляя просыпаться среди ночи в холодном поту. После таких пробуждений Мирьям хотелось пить, но с водой в её логове проблем не было: по дальней стене пещеры, свободной от рисунков, днём и ночью струился чистый поток.

Местные рисунки Мирьям уже изучила во всех деталях, но общий смысл «древних комиксов» пока не спешил открыться её разуму. «Что, если вернуться, сообщить о находке, а потом проводить сюда научную экспедицию?» – воображение Мирьям не скупилось на светлые картинки её триумфального возвращения в родной аул. «Нет уж, обойдутся!» – проклятая злость вновь налетала на женщину, запрещая унижаться перед гонителями и вручать сельским тупицам тайну, которой они не достойны.

К вечеру серая рвань дождевых туч унеслась прочь, закатное солнце воссияло над горами, и в его янтарном свете пещера показалась Мирьям длиннее и шире, чем раньше. Золотом блеснули нимбы богов, одежды героев и очи дивных зверей, сияющие линии обернулись символами незнакомого алфавита. Мирьям взвыла. Внезапное чудо открылось ей, застав врасплох, и вряд ли повторится. Срочно записать неведомые символы, но на чём? Ах, сойдёт и бумага от сыра, но теперь – чем?..

Отчаянье и гнев застили глаза, в ушах нарастал слитный шум чужих голосов. «Не по уму тебе эти знания, вздумала тягаться с мудрецами, знай своё место, дерзкая...»

Мирьям впиалась в запястье – клыки оказались длинны и остры – разодрала кожу и ткнула когтистым пальцем в собственную кровь.

Повторить прошлогодний фестиваль Бельтайна на Куршской косе желалось, но не могло. Военная стратегия вытеснила магию. Волшебные существа поневоле вынуждены были считаться с делами существ неволшебных, и никому не хотелось быть по ошибке сочтёнными за иностранных шпионов или диверсантов, танцую с самосветными фонариками в сосновых лесах на балтийском берегу.

Брокенские горы стали бы отличной альтернативой, к тому же ближайшей к Персефоне, но там магию вытеснила индустрия развлечений.

Выручили хорватские самодивы.

– Крепость святого Михаила, Преко, остров Углян, – прочла Персефона в письме, потянулась к ноутбуку с картой.

Вместе с картой поисковик подбросил Княгине пару фотографий и местную легенду. Легенда гласила, что к строительству древней крепости на вершине горы были причастны упомянутые самодивы – неудивительно, что впоследствии она стала диспетчерским пунктом для ведьм, выполняющих транзитные рейсы в Центральную Европу. Где самодивы, там непременно высший пилотаж...

Вспомнив прошлогодние балканские приключения, Персефона невольно улыбнулась. Невероятный случай свёл её с дядей Артемиса, облачным змеем по имени Младен, и сейчас Княгиня предвкушала новую радостную встречу. В таком настроении её и застала Съена, вернувшись с вечернего похода за булочками.

– Высший пилотаж, – задумчиво обронила Персефона, подмигнув птицедевочке. – Положение обязывает соответствовать, но для того мне готоцикл и подарен.

Готоцикл был мрачен, изящен и могуч. Обманчивая хрупкость элементов средневековой архитектуры, превращённых в литые детали конструкции, изрядно смущала Княгиню, но выбора особо не было: летучая машина, как и книга тайных знаний, подчинялась лишь ей да Артемису. И если мчаться в качестве пассажира за его спиной Персефоне было ничуть не страшно, то взять управление самой представлялось невыполнимым геройством. Впрочем, несколько тренировок при поддержке Эрика и пилотов новогодней эскадрильи, а главное – безмолвная помощь самого готоцикла вселили в Княгиню достаточно уверенности в собственных силах.

В предпоследнюю апрельскую ночь готоцикл расправил крылья и стартовал с площадки на крыше, озарив старинную черепицу холодным голубым огнём. Съена, обратившись птицей, угнездилась на оленерогом руле – будто носовая фигура старинного корабля. Позади Персефоны, надёжно пристёгнутые и снабжённые шлемами, сидели Дина и Марк – и музыкант был безмерно благодарен Княгине за собственную виолончель, избавленную от ужасов багажных отсеков в самолётах.

Низко гудя, готоцикл набирал скорость и высоту. Персефона сверилась с панелью навигации – просто, чтобы убедиться: цель задана верно, маршрут проложен.

В сумрачном металле оперения отражались звёзды, под крыльями мерцали серебром и золотом редкие огни ночной земли. На востоке, едва заметная для самого острого взгляда, медленно разгоралась зелёная полоса зари.

Руины хорватской крепости сияли, рискуя подтвердить местную легенду, а то и породить парочку новых. Съена смотрела направо – и видела стайки блуждающих огоньков, смотрела налево – и в глазах рябило от световых танцев. Вершина манила закатным светом

и высоким костром, что должен был негасимо пылать пять дней и ночей, с первой до полуночи. По краям широкой площадки, на приличном расстоянии от костра, теснились шатры и палатки; под деревом в дальнем углу звучала свирель – и, куда ни глянь, везде царила пёстрая радостная суета, неизменная спутница волшебных фестивалей под открытым небом.

Мало-помалу расположились. Марк и Дина нашли место среди музыкантов; Княгине с фамильяром полагались отдельные покои. Едва зайдя за полог, Персефона без сил рухнула в манящую мягкость широкого ложа и сонно промямлила:

– Не беспокойся, Съена, я в порядке. Туси, не робей, а я вздремну немного...

Улыбнувшись, Съена укрыла Княгиню пледом, провела лёгкой лапкой по её волосам. Робеть птицедевочка и не думала, но ей было неведомо, как это – тусить. Вот если б госпожа приказала сходить на разведку – другое дело...

Мирьям проснулась в ночи от собственного крика – гортанного, мучительно долгого. Ночной воздух был теплым, но женщину бил озноб. Лунный свет озарял пещеру, и Мирьям казалось, что она тонет в невесомом прохладном серебре, сама становясь легче ветра, чтобы бесшумно бежать над спящей землёй. Поджарые шерстяные лапы, пробуя свою силу, покогтили каменный выступ у края пещеры – Мирьям вздрогнула, осознав их своими, но тут же рассмеялась: ведь это лишь сон, она проснулась во сне, бывает же такое! А если лунная тропа ей только снится, не будет худа от прогулки по ней.

Горы, исхоженные вдоль и поперёк, открылись взору Мирьям – а более того, нюху! – будто в первый раз. Небеса были усыпаны звёздами, словно шоколадный торт сахаром; под ними смолисто пахли пихты и сосны, можжевельник и лавр, а к терпкому теплу древесных нот то и дело примешивался пушистый душок мелкой живности. Интересы ради Мирьям пошла на зов запаха и вскоре спугнула зайца, дремавшего под кизилковым кустом. Удивительно, чего только не случается во сне!

Тремя петлями горного серпантина ниже светилось одинокое окно. Мирьям смутно вспомнила, что там должен быть аул, в котором когда-то жила странная девушка по имени Мирьям. Лапы сами понесли её вниз, навстречу уюту печных дымок и нежной кислинке скотского приплода.

В жёлтом квадрате окна маячил одинокий мужчина. Мирьям застыла у забора, пытаясь сообразить, почему он не кажется ей чужим, но собачий лай помешал ей додумать. Лай ширился, срывался на вой, но затихать и не думал. Загорелись соседние окна, совсем рядом раздался грохот, а вслед ему ругательства, меж которыми чуткий слух Мирьям уловил стальное клацанье ружейного затвора. Мирьям сорвалась с места.

Утро над руинами крепости святого Михаила было строгим и хмурым. Серые небеса одаряли землю скупым дождём. Хмуро и строго было на площадке, где горел огонь: ритуал начинался.

В серых одеждах, вышитых золотом и серебром, в полынном венке вышла к костру Осенняя княгиня. Двигалась она медленно, с трудом волоча за собой плетёную корзину, полную прошлогодних сухих листьев и мёртвых бабочек. Это если смотреть простым взглядом. Если глянуть по-особому – становилось видно, как тяжёл груз несбывшихся надежд и навязчивых страхов, горьких обид и болезненных ссор, туманной тоски и бессильного одиночества. Не самой Княгини, конечно же: листья и бабочки тихо умирали прошедшей осенью в лесах

и парках, у заброшенных трамвайных путей и покинутых домов, со снежным ветром и талой водой впитывая в себя веяния человеческих чувств.

Съена издали глядела, как изящные руки её госпожи, звеня браслетами, откинули крышку корзины и зачерпнули тленную серо-бурую горсть. Поднять груды камней было бы и то проще, но кинуться на помощь было никак нельзя.

Персефона прикрыла глаза и задержала дыхание, сматывая собственную силу в горячий клубок под рёбрами. Ей показалось, что смотанного ничтожно мало для того, чтобы стать ключом к открытию ритуала. Листья налились невыносимой тяжестью, пальцы жгло словно кислотой. Верные формулы никак не шли на ум, более того – все прочие слова испарились, оставив Персефону наедине с панической волной.

Сидела бы в травницах, самозванка. Жена, коей у владыки Самайна быть не должно.

Персефона пошатнулась – а, может быть, пошатнулись крепость и гора? Но нет, это её всего лишь дважды толкнули изнутри – не как обычно во время баловства, а будто бы желая поддержать. Объединить силы. Стать целым, что больше суммы своих частей.

Изумлённый выдох вырвался из Персефоны вместе с чароносным словом:

– Что манило и болело, станет пламенем и пеплом...

Листья с бабочками отправились в огонь. Стало дымно и горячо. Персефона подбрасывала ещё и ещё, а когда корзина опустела, то скормила костру и её: собственные тревоги и печали также стоило отпустить на волю пламенных трансформаций.

– ...что терзало и звало, станет светом и золой...

Сколь проще было бы отменить гнев, запретить злобу и уничтожить ненависть! Срезать шипы, спилить рога, вырвать ядовитые железы. А вслед за тем обречённо наблюдать, как шипов отрастает больше, рога делаются острее, а яд из опасного становится смертельным. Сколь сложнее – признать гнев, злобу, ненависть и, не брезгуя их жутким обликом, пригласить на разговор. Имея рога, овладеть искусством побеждать и без них, а яду подобрать дозировку, в которой он станет горьким, но действенным лекарством.

– ...вознесётся в небеса, станет ливень и роса...

До Персефоны дошёл истинный масштаб ритуала. Весь фестиваль являлся им. Маленькое, но дружное волшебное сообщество собралось среди старинных стен, меж землёй, водой и небом, чтобы вместе прожить краткий отрезок времени согласно этим алхимическим трансформациям. Вложить в них максимум собственных сил, надежды и веры в ответный резонанс большого мира, что изнемогал под наплывом токсичных и взрывоопасных ментальных отходов. И пусть Бельтайн вовсе не её время, но одарить эту благую и отчаянную инициативу равнодушием Осенняя княгиня не могла.

– ...воспарит звездой в зенит: не разрушить – защитить!..

Выкрик Персефоны взлетел над костром, словно мыслимая ею звезда – слепяще светясь и шурша снопом искр. Сама Княгиня устремилась в противоположную сторону, мягко осев на гладкие древние камни. Ритуал немедленно был подхвачен Старшей над независимыми волшебниками – та избавила Княгиню от полынного венка и, сопроводив его кратким заклинанием, метнула в огонь. Пред костром выстроилась торжественная очередь. К Персефоне метнулась Съена, подставляя не то плечо, не то крыло, дабы госпожа смогла достойно сойти с магической сцены и вернуться в себя.

Пламя возносилось к светлым небесам, и те отвечали благословенным дождём. Дымная полынная горечь летела над горами и морем, сплетаясь с робким и сладким, невозможно прекрасным ароматом белых цветов.

Время Бельтайна. День второй: вода

Вслед за огненными процедурами по всем канонам должны были случиться водные – и действительно: на второй день фестиваля-ритуала состоялся заплыв в море.

Под лучами солнца случайным туристам, добравшимся до крепости, открывался вид не то на хиппийник, не то на киносъёмки творческой богемы – но вид этот при всей своей красоте вызывал желание тихонько пройти мимо и не оглядываться. Такovy были защитные чары, сотканньe Старшей.

Истинное волшебство творилось ночью.

Восходящая луна была почти полна, и в нежном золоте её света сияли пенные кружева прибоя. В волнах меж берегом и ближним островком мелькали гибкие чешуйчатые хребты, слышался плеск и звенящий смех.

– Айда в воду! Глубина здесь смешная, – с ласковым озорством призвала Старшая.

Парад купальников и пляжных накидок окончился на полосе мелкой гальки. От Персефоны уже не требовалось выступать застрельщицей, но чутьё подсказало ей, что не все готовы с лёгкостью скинуть защиту своих одежд, даже будучи в приятной компании и в сумраке лунной ночи. Старшая не ставила наготу обязательным условием, но Персефона уже поймала незримую нить ритуала, которая нынче вела в прохладную солёную глубину, к зыбкому и блаженному равновесию мира внешнего и внутреннего.

Осенняя княгиня разделась первой. На гальку с тихим шорохом опала бисерная тесёмка излишних украшательств, следом полетела бесформенная туника выученной стыдливости. Живот Персефоны готов был соперничать с круглобокой луной, и мысль эта вдруг рассмешила её, избавив от остатков неловкости. В три шага Персефона достигла воды и, подняв тучу брызг, отправилась в крейсерское плавание. За её спиной, вопя для храбрости и от восторга, нагие тела сигали в первородную утробу Мирового океана, растворяя в нём всё, что не пожелало сгореть во вчерашнем огне.

– Русалок не щекотать! – донеслось из воды.

– И в мыслях не было, – фыркнула Княгиня, взяв курс на островок.

Глубина и впрямь оказалась мала: если встать на ноги, вода едва доходила до шеи. Другое дело, что её температура пока не слишком располагала к долгому купанию. Персефона достигла островка и, дрожа, выбралась на пологий галечный берег. В душистой тени высоких сосен проступала тропинка, ведущая к старинному зданию.

– Самостан, – прочла Персефона табличку.

Серьга-толмач, уловив незнакомое слово, послала в ответ мыслеобраз: «монастырь». Персефона тихо прыснула: ситуация грозила стать пикантной. Оставалось надеяться, что монахов тут либо нет, либо они спят, либо обрели терпимость к толпам нудистов, коим в этих краях и без того мёдом намазано.

Обогнув здание по широкой дуге, Персефона нацелилась к тому краю острова, что смотрел на открытое море и огни ночного Задара на материке. Ночь была тиха и светла, но при взгляде на монастырский сад Княгиню прохватило внезапной дрожью.

Высокий мужчина стоял меж кустов. Склонённая голова его была увенчана митрой, сложенные в молитве пальцы едва касались жёстко очерченных губ. От недвижимой фигуры разлило такой мощью напряжённой воли, что Персефона застыла на месте, не в силах ни сбежать, ни сотворить вуаль невидимости. Спустя десяток бешеных ударов пульса до неё дошло, что это памятник. Шумно выдохнув, Княгиня ощутила потребность присесть на каменные ступени и переждать минуту слабости.

– Простите, если потревожила, – повинувшись неясному порыву, шепнула Персефона в сторону памятника. – Я скоро уйду...

Шёпот вышел неуверенным: вопреки первому впечатлению и наперекор второму Княгиню будто примагнитило к облику человека, о котором она не знала ровным счётом ничего. Поэтому она почти не испугалась, услышав ответный шёпот:

– Можешь доджи, кад год желишь.

«Можешь приходить, когда захочешь», – перевела серьга-толмач, лишая Персефону спасительной мысли о слуховых галлюцинациях. Собственная нагота ощутилась постыдной и простительной разом, словно на приёме у врача. Окончательно запутавшись в невыразимых чувствах, Персефона вскочила с камня, обхватила живот покрепче и дала дёру обратно к воде.

Мирьям вновь проснулась от зова лунной дороги. Хотелось пить. Подползя к дальней стене, Мирьям сунула язык под ледяную струю и стала лакать. Вода показалась отвратительно безвкусной. Жажда не проходила. Зубы свело от холода и желания впитаться в нечто тёплое и живое.

Лесная тропа легко легла под лапы. Старательно принюхиваясь, Мирьям рыскала в зарослях, но заячий дух, как назло, куда-то пропал. Обессиленная, исцарапанная, Мирьям застыла на краю скалы и обидно завывала на луну.

– Ау-у-ул, – вспомнилось ей слово.

Ягнята. Нежные и беззащитные. Никуда не сбегут. Нужно лишь быть скрытной...

Ветер в ночи переменялся, и запах Мирьям не долетал до собак. Подвели овцы. Едва не оглохнув от их заполошного блеянья, Мирьям наугад цопнула за холку ближайшую маленькую тушку и рванула прочь. Ягнёнок пытался брыкаться; разозлённая Мирьям сжала челюсти на жалкой шейке и прекратила брыкание. Некстати вспомнилось, как в детстве некая Мирьям баловалась с поливальным шлангом, то наступая на него ногой, то отпуская струю воды на свободу. В пасти у Мирьям стало горячо, аппетитно и восхитительно кроваво. Вкус маленькой жизни, взятой без посредства ножа, плиты и сковородки, настолько ошеломил женщину, что она замерла у чужого забора, ничуть не заботясь о том, что лунный свет превращает дорогу в театральные подмости.

В смутно знакомом окне вновь горел свет. Собаки лаяли далеко, и Мирьям позволила себе замешкаться ещё немного. Опустив добычу наземь, она привстала на задние лапы, прижала уши и краем глаза глянула в окно.

Одинокий мужчина сидел за столом, держа в одной руке выцветшую фотографию, а другой прикрыв глаза. На фотографии плясал блик от лампочки, но острое зрение Мирьям различило там две фигуры, мужскую и женскую, в красивых нарядах и навек остановленном моменте поцелуя.

– Похорони её, – женский голос раздался так внезапно, что Мирьям невольно выпустила когти, царапнув по стене. – Теперь, когда ты знаешь правду, похорони её в мыслях и в памяти. Не вини себя за ошибку, но и не забывай полученного урока. В наших краях много прекрасных невест, и на этот раз я помогу тебе найти достойную...

В ушах у Мирьям зазвенело. Женщина стояла совсем рядом с окном, и лица её было не разглядеть, но голос показался ей столь же знакомым, сколь и мужчина. Знакомым и – в отличие от мужчины – ненавистным. От голоса расходились гипнотические тёмные волны, заполняя собой комнату, словно мазутная плёнка – главную сельскую лужу.

В глотке Мирьям зародился низкий рык, который она с великим трудом подавила. Собачий лай стал ближе, чем хотелось бы, и Мирьям с досадой оторвалась от окна. Подхватив ягнёнка, она легко перемахнула через низкую плетёную изгородь и спустя несколько минут уже была вдали от окна, собак и чужого колдовства.

Время Бельтайна. День третий: земля

Под утро над островом Углян прошёл дождь, и на каменной площадке крепости стало сыро. Спустя пару часов солнце одолело дымку непогоды, и дождевые капли в мягких иглах пиний воссияли радужным огнём.

Выйдя из палатки, Персефона первым делом подбросила дров в негасимое ритуальное пламя, почти прозрачное в лучах рассвета. Невысокий, крепко сложенный мужчина рядом с нею сделал то же самое, а потом, учтиво поклонившись, произнёс несколько слов на незнакомом языке.

– Огонь накормлен, позвольте мне радость накормить и вас, – подсказала Княгине серьга-толмач.

В ухе у мужчины, прикрытая седой прядью, болталась такая же серёжка. Старшая независимых волшебников позаботилась о том, чтобы на пути к взаимному пониманию её подопечным встречалось как можно меньше препятствий.

– Почту за честь, – откликнулась Персефона.

На пути к шатру выяснилось, что седого мужчину зовут Нэндру, а родом он из Трансильвании. Шатёр внутри оказался больше, чем думалось при взгляде снаружи – но скромные манипуляции с личным пространством были на фестивале дозволены.

В глазах у Персефоны зарябило от разноцветья вышитых пледов и расписных тарелок. Пахло сырниками – и действительно, на блюде возлежала горка поджаренных творожных шариков, политых вареньем и сметаной.

– Божефтвенно, – укусив сырник, призналась Персефона.

– Будете в наших краях, заказывайте папанаши, – улыбнулся Нэндру.

Улыбка его была подобна солнцу, превозмогающему дождевое облако. Осенней княгине вспомнилось, что фестиваль продолжает являться ритуалом; приглашение на завтрак обрело вес неслучайности. На миг померещилось, будто она смотрит в створки трюмо, выставленные друг против друга, и тонет в бесконечности взаимных отражений.

Персефона оторвалась от сырника и склонила голову в знаке готовности слушать.

Нэндру тяжело вздохнул. Высказаться необходимо было именно сейчас и именно этой женщине, но слова не шли. Заставив себя вздохнуть ещё раз, на выдохе он признался:

– Десять лет своей жизни я выслеживал таких, как нынешний владыка Самайна...

Персефона растерялась. Нет, её не затруднит сгонять в Загранье и передать Артемису чужое запоздалое покаяние, если от этого старому румынскому охотнику полегчает. Тот вздохнул ещё раз и добавил:

– Таких, как все, ныне здесь присутствующие. А выловив, очищал.

В странном «очищал» невольно слышалось другое слово. Княгиня вздрогнула и, погрешив на трудности перевода, рискнула уточнить:

– В смысле... убивали?

– Нет, – криво усмехнулся Нэндру. – Хуже.

Сын сельского знахаря, потерявший мать и сестру в неравной драке с карпатской нечистью – мог ли он не посвятить себя отмщению? Дабы идти со временем в ногу, Нэндру окончил медицинский институт. Днём скромный молодой педиатр, ночью он скрывал лицо и превращался в стража благого порядка. С одного взгляда при беглом осмотре научился Нэндру выявлять в детях признаки двоедушия; узнав их адреса из больничных карт, он приступал к наблюдению. Ждать порой приходилось долго, но ни разу – впустую. И когда, повинуюсь зову небесных тел или неодолимой магии ключевых точек календаря, в детях просыпалась и являла себя иная душа, их настигал Нэндру.

Транквилизаторы вместо святой воды, электроды вместо крестов и осиновых кольев. Подающий надежды доктор продолжал идти со временем в ногу, при необходимости не брезгуя и более традиционными методами экзорцизма.

– Я изгонял из них нечистую душу, – уронив седую голову на руки, выдохнул Нэндру.

Невозмутимость удержалась на лице Персефоны с трудом. Она знала, каково это – впервые познать свою тайную суть: словно пробиться сквозь камень к подземной реке, словно разжечь из искры крылатое пламя. Знала, как иссякают потоки и гаснут огни, щедро засыпанные колючим песком насмешек и наказаний, отвержений и обид. Или – как, отчаянно защищая себя, обращаются в цунами и взрыв, неспособные после этого ни к чему, кроме яда и пепла.

Виноват ли был трансильванский юноша в том, что встретил на своём пути лишь тех, кто уже стал яд и пепел? Виноват ли в том, что решил топтать дурманные цветы, не ожидая от них никаких плодов, кроме ядовитых?

– Это очень больно, – прошептала Персефона, сама не зная, чью боль она чувствует сильнее: доктора-охотника или тех, кого он подверг лечению.

– Я думал, что делаю благо, – голос Нэндру сорвался, в попытке вернуть самообладание он хрустнул пальцами. – Родители тех детей порой обсуждали при мне, что их бесенята каким-то чудом присмирели, стали тихи и послушны. Чудом, ха... И неизвестно, сколько бы я продолжал, если бы не встретил свою Богданку. А потом у нас на горизонте наметился первенец. И тут-то меня настигло...

Не удержавшись, Персефона глянула на Нэндру по-особому. Он обмолвился обо «всех, здесь присутствующих» – значит ли это, что и сам он...

Невероятно, но факт. Сквозь сияющий сумрак на краю восприятия зрительного и сверхчувственного Персефона разглядела под тонкой вышитой рубашкой Нэндру и отблеск двойного огня, и размытый сумрачный порез давнего проклятья. «С чем боролся, на то и напоролся», – проскочила злорадная мыслишка, и она-то Персефоне не понравилась именно тем, что в первый миг понравилась. Прикрыв глаза, Княгиня изловила мыслишку и сжала ладонь, хрустнув пальцами не хуже Нэндру.

– Однажды меня самого обрекли выбирать меж двумя душами, а я в ответ лишь посмеялся, – продолжил тот. – И не вспоминал о том проклятии, пока Богданка рожать не начала раньше срока. Как довёз – не помню. Больницу на уши поставил, да всё равно не вышло выбора избежать. Понимаю, каков он быть должен, но не могу Богданку отпустить: и сам люблю, и ребёнку мать нужна. И тут она мне – обними, говорит, крепко-крепко, укрой в себе от глазатых да крылатых, и я с тобой до края и после останусь, и сыну через тебя свою ласку да любовь подарю...

Плечи Нэндру дрожали, лица он не поднимал, но Персефона видела, как на пёструю ткань ковра падают крупные тёмные слёзы. Не выдержав, она придвинулась ближе и коснулась пальцами чужой руки. Ладонь Нэндру раскрылась в ответном жесте, и из неё на ковёр выпал багровый булыжник. Рядом приземлился серый камешек Персефониной мыслишки. Княгиня вздрогнула. Сострадание было сутью её человеческой души, в доброте её даже упрекали, так откуда это? И неужто б швырнула в того, кто кается?..

К вечеру окрестные скалы оказались украшены пирамидками из сложенных друг на друга камней. Их равновесие казалось ненадёжным, а вес небольшим, но кое-где под тяжестью высказанных тайн, покаянных признаний и неподъёмных истин крепкая скальная порода пошла трещинами.

В лунном свете камни охватила дрожь на грани вибрации и звука, трещины пошли уже по ним самим, и вскоре от каждого не осталось ничего, кроме сухой пыли и живой сердцевины, что стремительно уходила корнями в землю, а стрелой ростка в небеса.

Время Бельтайна. День четвёртый: воздух

Над крепостными руинами раскинулась пронзительная лазурь ясного неба. Свежий ветер заигрывал с флагами и лентами, перьями и длинными волосами. Звенели колокольчики в ловцах снов. На площадке воцарился утренний чайно-кофейный аромат, к которому вскоре добавился сдобный дух.

Музыканты в дальнем углу площадки погрузились в магию совместных импровизаций: чуткий слух Съены выхватывал то жаворонковый полёт флейты, то тягучий ручей виолончели, то прохладную капель арфы. Вскоре с арфой сплелась гитара, а вслед им вступил бархатный баритон.

*– Ты победил дракона в честной схватке —
Так отчего тревожен чуткий сон?
Ты видишь, глянув в зеркало украдкой,
Что часть твоей души и есть дракон...*

Налетел тёплый ветер, беспечно зазвенели бусины в волосах Съены, но она шагнула ближе к музыкантам, входя в пространство песни по колено, затем по пояс.

*– Ты хочешь заглушить мой голос сталью,
Разбив, как чашу, свой непрочный мир.
Но я сильнее во тьме твоей печали
И пламя гнева – мой извечный пир...*

Эта песня уже звучала в ночь перед открытием фестиваля – но в тот момент, усиленная динамиками и огненными танцами, она стала заклинанием, от которого костёр обрёл чистоту и мощь ритуального пламени. Сейчас, слышная лишь тесному кругу любителей просыпаться с рассветом, песня казалась исповедью о тяжкой внутренней борьбе.

*– Но мне не нужно славы и короны.
Средь рыцарей могучих с давних пор
Скажи: кто смело вызывал Дракона
На разговор⁵?*

Последняя краткая строка показалась Съене дротиком среди стрел – но если стрелы красиво попадали в мишень, то дротик пробил её сердцевину навывлет. Дыхание у птицедевы перехватило, ритуальный костёр обдал её гудящим жаром, в котором на миг восстала подождённая Артемисом церковь, и Съена шарахнулась к низкому парапету с видом на небо и море. Быть может, именно поэтому ей выпало первой заметить, как близятся к острову летучие эскадрильи.

*– Воздух! – не слишком придя в себя, крикнула Съена.
– Не паникуй, чай не авианалёт, – с доброй усмешкой отозвались рядом.*

Съена обернулась. За правым плечом маячил растрёпанный парень в потёртых многокарманных штанах. Вчера они помогали друг другу скинуть камни с душ – и тем более неловко стало Съене, напрочь забывшей его имя.

– Привет, э-э...

⁵ Песня Desfer, текст Agni, Desfer

– Юодгальвис, – протянув визитку, напомнил парень. – Не трудись запоминать: на мне проклятие, оно и не позволит. Можешь звать Хорь, на кличку не распространяется.

Вчерашние истории Хоря Съена предпочла бы забыть вместо его имени. Пять лет назад парень вписался волонтером в археологическую экспедицию, где в первый же день отыскал обломок старинного меча. Поддался соблазнительной идее припрятать и продать, даже покупателя нашёл, но на встрече с ним, доставая меч из тряпок, неловко порезался. Меч же, вкусив крови, рассыпался в прах и высвободил проклятие, которому плевать было, что Хорь не прочёл и не собирался принимать условия соглашения.

Вскоре парню не стало равных: он рыл там, где никому и в голову не приходило, но всякий раз вылезал из нор с добычей. Хорь изрядно всхвуднул и получил за это кличку, но причина его худобы крылась не столько в рытье, сколько в еженощных видениях. Неупокоенные останки взывали и указывали путь, попутно излагая несчастному археологу истории своих жизней и смертей. Не в силах вывезти такой груз в одиночку, Хорь пересказывал истории у костра, быстро прославив чокнутым талисманом раскопа. Но пока ребята восхищённо крутили пальцами у висков, начальник экспедиции тайком писал откровения Хоря на диктофон. Потом перепечатал и издал книгу. Под собственным, разумеется, именем. Холодное бешенство охватило Хоря с такой силой, что он пришёл давать в морду начальнику – и успешно дал.

– Очнулся в дурке, обколотый по самое не могу, – рассказывал археолог птицедеве. – Зато мёртвые не шастали. Вместо них пришла дева в белом и с мечом, который я раздолбал, в руках. Показала, каков он был изначально – гляжу, а на клинке надпись: «Имени того, чью кровь сей меч пролил, не сохранит история». Может, оно и к лучшему: мою историю болезни через пару дней протеряли, а потом я сам сбежал. Вернулся на раскоп, и там мертвецы мне вновь являться стали, но по совету белой девы я с начальником помирился и отдал права на все свои откровения. Точнее, их откровения...

Пред мысленным взором Съены встали музейные таблички в духе: «Шедевр такого-то века, автор неизвестен». Хорь пытался дерзко присвоить историю – и в наказание стал её безымянным проводником. Это казалось птицедеве справедливым. Но раскаяние и смирение уже состоялись, а беспокойные души продолжали занимать к парню очередь.

– А не говорила ли дева, как избавиться от проклятия? – спросила Съена. – Или оно, блин, досмертное? И кто она вообще такая?

– Имя меча, – выдохнул Хорь. – И ей нужен такой же новый. Она мне его образ ещё пару раз во сне являла, и я зарисовал все детали. Да только никто из знакомых кузнецов за эту работу не взялся – сложно, говорят, и технология старинная...

Тут Съена цапнула Хоря за руку и уволокла в шатёр Персефоны, спрашивать контакты датского мастера. Если он выковал символную печать, что по сей день крепко держала шов на ткани бытия, то с мечом наверняка справится.

Кузнец попросил у Хоря рисунки, полдня не отвечал, а к вечеру обрадовал его согласием. Камень с души у парня упал буквально, и тот отнёс его на гору к остальным.

К утру гора проросла. Упругая зелень невиданных растений стремилась в зенит со скоростью, необычной даже для чудесного. Старшая независимых волшебников навестила будущий сад в одиночестве, ступая осторожно и улыбаясь светло.

Никому не было ведомо, как сомневалась она в собственных силах. Как продолжала сомневаться, созывая близких и надёжных соратников, до мелочей продумывая сложный узор многодневного мероприятия. Как получала внезапные отказы от тех, кого считала самыми близкими и надёжными – но упрямо не отменяла путь к избранной цели ради тех, кто рискнул поддержать её на этом пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.